

Авторский стиль

чаепитие с литературным гидом

альманах
мистической
прозы

**С Днем Рождения,
нечисть!**

Спецвыпуск №2 / июнь 2012



Авторский стиль

Наш мир полон легенд и сказок, где часто главными героями являются необычные существа, иногда даже совсем не добрые. На сайте «Авторский стиль» в марте прошёл блиц-конкурс о нечисти – захватывающий, завораживающий... На самом деле просто – приятный турнир. Участие приняли девять талантливых авторов, и все работы получились неожиданно высокого уровня. Неожиданно – потому что редко бывает так, чтоб все без исключения были интересными и стоящими. В общем, было решено создать сборник-альманах с этими работами. «Авторский стиль» предлагает вам погрузиться в мир мифов и фантазий. Познакомится с ведьмами и колдунами, узнать о леших и боровиках, окунуться в омут интриг ангелов и демонов и побывать на самом настоящем шабаше, с чертями и иной нечистью. Вы окажетесь в мире, где зловещий смех и вороний клёкот – живая музыка для нечистых, жаждущих зрелищ. Наслаждайтесь ужасами потустороннего мира за чашкой горячего чая с нами.
/Александр Лункрай/



Содержание:

Анна Сумарокова Как Га черту подарили	4
Таня Баньши-Ва Подарок к совершеннолетию	10
Александр Лункрай Ангел-хранитель	14
Александр Тэмлейн Нежданый звонок	20
Станислав Лаптев Ночь воронья	22
Владислав Ефремов Хвост, рога и смех	24
Адалин Догмар Балаганное	26
Елена Бабич Джонни Дэ	30
Адриэл Ханна Козлоногий бог	34

Учредитель: литературно-образовательный интернет-ресурс для писателей «Авторский стиль».
www.authorstyle.org

Спецвыпуск: приложение к выпуску «Авторского стиля» №4, июнь 2012.

Все права подтверждены и принадлежат авторам произведений.

Состав редколлегии:

главный редактор
Адриэл ХАННА

выпускающий редактор
Адалин ДОГМАР

литературный редактор
Сергей ДЕГТЯРЕВ

корректор
Татьяна ЗИНГЕР

дизайнер-верстальщик
Александр ЛУНКРАЙ

Контакты редакции:
www.authorstyle.org
authorstyle@mail.ru





Как Га черту подарили

Анна Сумарокова

В городке Ку в один из теплых июньских вечеров случилось невероятное событие. В трактире тетушки Ма объявился черт. Возник на секундочку в облаке вонючего дыма, схватил горшечника Га и исчез, оставив после себя лишь отвратительный запах серы. Новость о происшествии разнеслась быстро, люди рассказывали ее друг другу и делали круглые глаза, вот, мол, какие времена настали – уже и черти в мирный Ку нагрянули.

Бедная Ма не знала, куда деваться от стыда. Ее милый и уютный трактир, в который ходили самые зажиточные и добропорядочные граждане, был так опозорен. Круглая и румяная тетушка даже кушать почти перестала – так переживала об утраченной репутации. Горожане искренне жалели несчастную женщину. «Конечно, – отмечали они в разговорах, – добрая Ма тут совсем ни при чем. Она женщина добродетельная и честная и никогда не разбавляет пиво. Все случилось только из-за Га. Вот уж кого давно пора было чертям прибрать! Мало того, что за горшки и кувшины он брал совсем не по-божески, так еще и слова доброго от него, по-

жалуй, никто никогда не слышал». Так говорили люди, но в трактир ходить остерегались, предпочитая посещать вместо этого церковь. Там хоть и не подавали пива, но было гораздо спокойнее.

Что касается самого Га, то в момент нападения он совершенно растерялся и даже не подумал о сопротивлении. А потом и вовсе потерял сознание от страха и жуткой вони. Пришел в себя горшечник крепко связанным посреди леса. Вокруг высились корявые деревья, сквозь густую листву которых почти не пробивался солнечный свет. Га сидел на влажной земле, а рядом тяжело дышал его похититель. Черт был тщедушен и косяк, словно бездомный пес. Темная шерсть, покрывавшая все его тело, торчала клочками, кое-где виднелись прилипшие ре-



пьи. Он стоял согнувшись, упираясь руками в козлиные ноги, и судорожно хватал ртом воздух.

– Свят, свят... – забормотал Га, пытаясь припомнить хоть одну молитву.

– Ой, да помолчи ты, – отмахнулся черт. – Разъелся, как боров, а я страдай. Не стыдно тебе?

В голосе рогатого было столько обиды, словно пухлый Га действительно совершил преступление.

– Отпусти меня, нечистый! – взвизгнул горшечник и добавил заискивающе: – Я тебе денег дам.

– Ага, сейчас, только перекрещусь три раза. Можно подумать, я тебя сюда на горбу пер, чтобы денег попросить. Да и не на что мне их тратить.

– Тогда зачем я тебе? Какой с меня прок?

– В подарок, – черт уже отдышался и теперь присел рядышком. – У моего начальника, великого, прекрасного и ароматного Болофана, День рождения. Без подарка никак

нельзя. А грешник – лучший подарок, как говорится.

– Это я грешник? – возмутился Га. – Да какой же я грешник, если каждое воскресенье в церковь хожу? На нужды храма вон целый кошель денег пожертвовал. Никого не убил, не ограбил за всю жизнь. Какой я грешник?

– Ха, ну уж мне-то хоть не заливай! – черт насмешливо дернул влажным черным пятачком. – В кошеле том одна медь была. Пожадничал ты. Может, не убил никого, да обманул столько, что пересчитывать замучаешься. Пуще работы лениться любишь, сквернословить, жрешь в три горла, пьешь как конь. Церковь сколько раз хулил и поносил, шепотом, конечно, когда думал, что услышать некому. Но на то и мы есть, чтоб слышать. В общем, гад ты, каких поискать. Так что нечего тут невинность корчить. Быть тебе подарком Болофану, да увеличится его толщина и вес. Мясо твое гостям подадут, а дух в ад отправится.

От такой перспективы Га стало совсем плохо. Быть блюдом на чертовой пирушке жутко не хотелось, а больше всего не хотелось всю загробную жизнь на сковороде в аду жариться. Но он все же услышал в словах черта то, что натолкнуло на светлую мысль.

– А не можешь ты меня забрать! Права не имеешь! Я же еще живой!

– А-а-а-а, ты об этом? Не продолжай, наслушался за жизнь свою. Согласно правилу сто тридцать восемь пункту четыре подпункту шесть, любой из слуг адовых может забрать с земли любого грешника во плоти, не дожидаясь его кончины, коли тот грешник не меньше тринадцати раз сам, по доброй воле, высказывал пожелание быть забранным. Вслух и при свидетелях.

– Ничего я не высказывал! Ни вслух, ни про себя!

– Да ну? А как же твое вечное «чтоб меня черти побрали»? Дождался, побрали.

Если бы Га мог, то отвесил бы себе звонкую плюху. Действительно была у него такая присказка. Как покупатель чуть усомнится в качестве товара, так Га: «Да лучше горшков вы не найдете, чтоб меня черти побрали, если вру!» И врал ведь, так что по всему выходило, что честно его забрали.

Пока горшечник сам себя ругал мыс-





ленно, черт встал и принялся его на спину взваливать.

– Послушай, – спохватился Га. – А давай в карты сыграем. Выиграешь – забери меня, а если нет, то отпусти.

– Ну и дурак ты, – пропыхтел черт. – Сколько можно в сказки-то верить? Думаешь, перекрестишь карты и выиграешь? Вот болван! Да и не люблю я азартные игры. И вообще, опаздываю уже.

И побежал. Да так быстро, что у Га, только-только привыкшего к отвратному чертовьему запаху, опять закружилась голова и в животе нехорошо стало. Мимо мелькали деревья, кусты, реки и озера, какие-то города да поселки. Всего за пять минут черт пробежал столько, сколько всадник не одну неделю скакать будет. Остановился рогатый у высокой горы. Подножие ее плотно заросло колючкой и дурным плющом, а вершина, наоборот, была голой. На самом вершине пылал огромный костер, у которого держались в неистовой пляске черные фигурки, другие кружили в небе, как мушкетеры. Визги и улюлюканье разносились по всей округе, а серой пахло так, что хоть носа лишейся. Черт сбросил Га со спины и сел на землю еще передохнуть перед подъемом.

– Эх, вот Болофан будет доволен, – мечтательно закатил глаза рогатый. – Такой упитанный грешник – шикарный подарок. Может, повысит меня, наконец. А то уже три тыщи лет в рядовых чертях хожу.

– Слушай, ну отпусти меня, – взмолился Га. – Знаешь что... Возьми мою жену Сво! Ведьма, а не баба! Я тебе точно говорю, у нее грехов в сто раз больше, чтоб меня... Э-э-э, в общем, больше. А сама, знаешь, какая? Толстая, румяная, поперек себя шире! Болофан тебя за такой подарок не только повысит, он тебе медаль выдаст, орденом наградит!

– Толстая, говоришь? – призадумался черт.

– Огромная! Просто невероятных размеров! А грешница-то какая: врет, богохульствует, чревоугодничает, детям только так подзатыльники раздаст. Спи и Но уже не знают куда деваться, – пустил слезу Га, в душе предвкушая, что не только спасется, но и от супруги избавится. – Что уж про Гры говорить. Он младшенький самый, того гляди зашибет его баба. А еще она в детстве пряник украла.

– Нет, не успею. Раньше бы говорил, – покачал головой черт. – Я тебя-то еле донес, а жену твою и вовсе надорвусь тащить, раз она такая толстая. Так что подарком будешь ты. А Сво я в следующем году подарю. Как раз у Болофана, пусть он и дальше остается так же вонюч, юбилей будет.

Понял тогда горшечник, что не получится у него отвертеться. Попытался было молиться, но слов не знал, ни к чему ему раньше молитвы были.

Черт отдышался и снова поднял Га, который уже и телом не чувствовал, так оно от пут затекло.



А в это время в трактир тетушки Ма ввалилась рассерженная Сво. Она только недавно проснулась и теперь желала знать, где ее супруг. Никто из горожан не решился сказать новоиспеченной вдове о произошедшем с Га – все знали, какой характер у Сво. Даже Ма, женщина весомых округлых достоинств, боялась жены горшечника и в ее присутствии чувствовала себя маленькой и незначительной. Поэтому, когда увидела в окна огромный кружевной чепец, попыталась спрятаться в чулан, забыв, что давно туда не помещается целиком.

Скрыться не удалось и пришлось объяснять жене, что мужа черт унес. Сво поняла все быстро, сломала от расстройства парочку столов да десяток стульев и удалилась. Горожане смотрели ей вслед и перешептывались. «Вот ведь, – говорили они. – Какая скверная женщина. Мужа черти унесли, а она и не расстроилась почти. Вот когда ее зеленщик Хо случайно на медяк обсчитал, так салат, словно перья, летел, и от лавки почти ничего не осталось».

Но Сво на перешептывания за спиной не обратила внимания. Она спокойно пошла по дороге в сторону леса, заслоня собой почти половину закатывающегося солнца.

На гору черт взбирался медленно. Он хрипел, как загнанная лошадь, дрожал козлиными ногами, но упорно полз вперед. Га тихо дрожал от страха, жалея, что столько уже не совершит. А ведь ему причитались деньги от Ма за большую партию кувшинов, и Хо собирался купить глиняных мисок для зелени. А тут такое

Когда они добрались до вершины, солнце уже село, на небе про-

клянулись первые звезды и выкатилась бледная луна.

Наверху было не протолкнуться. Множество пьяных чертей плясало у гигантского костра, дергаясь так, будто на них напали злые и голодные блохи. В воздухе с диким улюлюканьем носились бесстыжие ведьмы. Абсолютно нагие, простоволосые, они летали на метлах, болтая голыми ногами. Га от этого зрелища передернуло, красотой и фигурой ведьмы не блистали, поэтому выглядели просто безобразно.

Черт поставил горшечника на землю, распутал веревки, оставив лишь петлю на шее, и, как собаку на поводке, потянул за собой. Туда, где стоял громадный, накрытый к празднику стол. На кроваво-алой скатерти были расставлены блюда с угощением: мигали в глубоких мисках живые глаза, шевелились тараканы в листьях салата, пауки в кляре топорщили в разные стороны лапки, колыхалась жабья икра. Во главе этого великолепия, на огромном пне, сидел сам виновник торжества. Болофан был очень крупным чертом, размером с матерого быка и с такими же большими рогами. Заплывший жиром начальник чертей сурово супил брови и угрожающе шевелил пятаком. По всему было видно, что он в полной мере осознает собственную важность. Рядышком с ним выстроился хор чертенят. Тощенькие хвостатые малыши, у которых еще и рожки не проклюнулись, неожиданно хорошо и слаженно пели:

В ночи полнолунной компанией шумной
Мы звонкую песню споем как один.

В огне преисподней любовью чертовой
Обласкан ты, наш господин.

Ты мудрый и злобный, во всем бесподобный,
Ведешь нас к победе железной рукой.

Для зла ты опора, а мы твоя свора,





Нам счастье идти за тобой.

И свет пусть трепещет, а ад рукоплещет

Когда Болофан поднимается в бой.

Он сильный как пламя, подняв ада знамя,

Врагов уничтожит одною рукой.

Песня тянулась и тянулась, расхваливая Болофана на все лады. Чертенята старались изо всех сил, крутя хвостами от усердия. Им приходилось очень тяжело, ведь вокруг стоял невероятный шум и гомон.

Внезапно Болофан посмотрел прямо на Га и приведшего его черта, красные глаза именинника вспыхнули злостью и он громоподобно всхрюкнул. Тут же оборвалась песня, затихли барабаны и замолчали ведьмы, медленно спустившись на землю. Лица всех гостей выражали испуг, видимо, нрав у начальника чертей был не сахарный.

– Опоздал! – рявкнул Болофан басом.

– Прости, о великий и несравненный, могучий и ароматный, долгорогий и чернокопытый Болофан, – рухнул на колени похититель Га. – Я не желал оскорблять твое величие, значимость и толстобокость опозданием. Я лишь хотел подобрать подарок действительно достойный такой значительной и всеми любимой фигуры, как ты! Вот и задержался.

– Да, фигура у меня, что надо, – смягчился именинник, любовно поглаживая круглый живот. – Ну ладно, что за подарок? Этот, что ли?

Взгляд красных свинячьих глазок уперся в Га, который уже еле стоял от страха. Толстый черт внимательно оглядел горшечника, почмокал губами и удовлетворенно кивнул.

– Грехов у него много?

– Да, да. Вот тут у меня...

Спохватился похититель Га. Прищелкнул копытами, и в руках у него появился толстый свиток.

– Вот тут все самым подробным образом написано.

– Мариновать! – приказал Болофан, мельком глянув список, и на горшечника со всех сторон навалилась нечисть, срывая с него одежду.

Через мгновение голого Га уже тащили к огромной бадье. Она стояла

неподалеку от стола и единственная источала приятный запах. Запах хорошего вина. Внутри, погруженные в рубиновую влагу, сидели трое. Один был похож на гусака, до того важно выглядел, несмотря на наготу. Второй был еще толще Га и спал, прислонившись к деревянному борту. А третий, судя по блестящим глазам и помятой физиономии, всю жизнь смотрел на дно бутылки.

– Та-ак, чур, выпивку не портить, – тут же предупредил пьяница Га, когда того запихали в посудину.

– Вы какого рода будете? – высокомерно протянул «гусак», распрямляя худые бледные плечи.

– Горшечник я. Га зовут.

На это «гусак» только фыркнул и отвернулся, уставившись в ночное небо. Там как раз началось представление ведьм в честь Болофана. Они выстраивались разнообразными фигурами, выполняли в воздухе кульбиты и сыпали разноцветными магическими искрами из рук. В итоге в воздухе появился портрет именинника, грозного, с оскаленными клыками и пылающими глазами.

– Не обращай внимания, – лениво протянул пьяница. – Этот высокородный зануда совсем загордился. Маркиз ведь, куда бы деться. Меня, кстати, Ал зовут. Вор я прфесс... профессиональный. А это, – Ал кивнул на толстяка, – Ле. Тока он спит все время. Давай, кстати, выпьем, а? За знакомство.

С этими словами вор наклонился, вытянул губы трубочкой и принялся засасывать вино, в котором они сидели. Га сначала пить не хотел, а потом вспомнил, что жить ему осталось недолго, и присоединился к Алу.

Потом был концерт. Уже знакомый хор чертенят исполнил песню за песней, все так же расхваливая именинника. Выступали вампиры с шоу метаморфоз, колдун с десятью дрессированными оборотнями, парочка зомби с фокусами и целая орава суккубов, исполняющих эротические танцы. Гости Болофана в перерывах между номерами поднимали бокалы, говорили витиеватые тосты, состоящие из одних комплиментов.

Га и Ал тоже употребляли. Их тосты звучали гораздо скромнее и короче, зато чаще. Они не заметили как, но в какой-то момент к ним присоединился и «гусак». Оказалось, что его зовут Сно.

– Ну, вот скажите мне, – захмелев, спрашивал он. – Скажите. Почему богу было угодно, чтобы я родился маркизом? Если все люди равны, то зачем он вообще создал неравенство? Разве я не прав, считая, что раз уж он отметил меня, значит, неспроста? Значит, мне есть чем гордиться. Значит, я выше смердов. И могу поступать с ними на свое усмотрение. Я над ними пастух!

– Это я что, баран, по-твоему? – возмутился Га. – Ты за словами-то следи. Я, может, тоже ничего такого не заслуживаю. Всю жизнь работал. Горшки лепить да обжигать – дело непростое. А то, что горшки плохи – не моя вина. Где глины нормальной взять? Ну и даже если и продавал с трещинкой кувшин, так что теперь меня? Без суда в преисподнюю?

– Выпьем! – влез Ал.

Они выпили, и вор, который опьянел сильнее всех,



вдруг заплакал.

– А я, – сказал он сквозь слезы. – Я грешник и заслужил муки. Я сорвер... сорвер... совершил столько зла. Воровал, воровал, воровал... Я же ж у сирот последнее забирал! Я не лю... не любил никого. Никогда. Мне так и надо, так и надо...

– Ну-ну, – похлопал его по липкому плечу Га. – Плакать только не надо.

– Да, плакать недостойно мужчины благородного. Но ты смерд, тебе, наверное, можно.

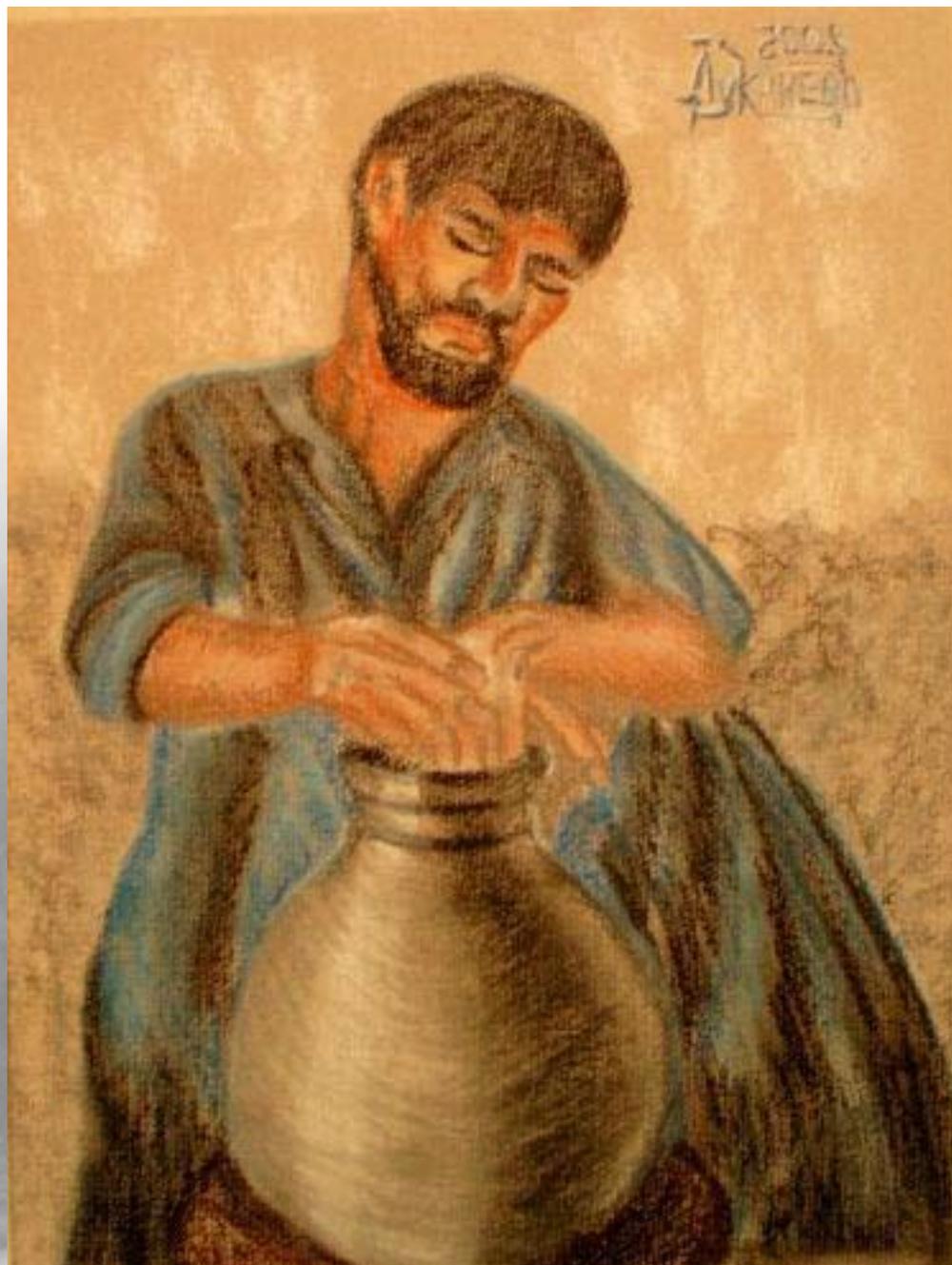
Пока они успокаивали Ала, к бадье подошло двое рослых чертей. Не церемонясь, они подхватили Га под руки и поволокли к костру.

Горшечник пытался стыдливо прикрыть срам ладошками, но объемное пузо мешало. Так и оказался он совершенно голым в окружении мерзких рож, которые ухмылялись плотоядно и дружно скандировали:

– Мясо! Мясо! Мясо!

– Ути какой толстенький! – кричали ведьмы.

– Жыррррный! – рычали дрессированные оборотни.



– Насаживайте его на вертел! – громко пробасил толстый Болофан со своего пня. – Да побыстрее.

Последнее, что видел Га, прежде чем потерять от ужаса сознание, – огромная голая женщина верхом на метле, спускающаяся с черного неба. И у этой жуткой ведьмы было почему-то лицо его жены Сво.

– Господи, прости, – выдохнул горшечник и погрузился в темноту.

Когда Га на следующий день после похищения появился в своей лавке, жители Ку не могли сдержать удивления. Многие пытались выведать у горшечника, что же произошло, но он отмалчивался. «Знамо дело, – говорили друг другу горожане. – Такое кому расскажешь? Не иначе, как он и чертей обманул. Небось, еще и горшки им теперь втридорога продавать станет».

Поговорили об этом жители Ку и забыли со временем. А Га тихим стал, все думал о чем-то, думал, к неудовольствию своей благоверной. И горшки хорошие делать стал и брать за них дешевле, чем раньше за плохие брал. А однажды летним вечером зашел в трактир тетушки Ма и попросил три кружки вина. Одну только выпил да ушел. Совсем ушел, не видел его больше в Ку никто. «Снова черти прибрали», – шептались горожане и важно кивали. А Сво и не расстроилась совсем, только сплюнула презрительно, когда узнала.



Подарок к совершеннолетию Таня Баньши-Ва

Закатное солнце выкрасило всё вокруг в кроваво-красный. Рогоз* покачивал коричневыми початками в такт шаловливому ветерку. Затихающий лес готовился ко сну.

Мавка выплыла из-под коряги и сладко потянулась. Русые волосы колыхались в воде. Сегодня был её день рождения. Ровно триста лет тому назад мать в очередном припадке сумасшествия утопила младенца в корыте. И вот сегодня местная нечисть будет праздновать её совершеннолетие.

Девушка зевнула и вынырнула. Мелкая рыбёшка, гревшаяся на мелководье, шарахнулась в стороны. На берегу сидела кикимора и самозабвенно охотилась на стрекоз.

– Здравствуй, Мавуська, – прошамкала кикимора и заглотила большеглазый улов. Громко рыгнув и облизав пальцы,

она беззубо улыбнулась имениннице. – С днюхой тебя!

– Привет, Кики, – пропела водяная красавица. Легко выскользнув на теплый песочек, выжала волосы. – Спасибо, милая! Надеюсь, мы сегодня хорошо погуляем.

– Лешак уже готовит поляну. Скоро гости начнут прибывать.

В подтверждение слов кикиморы, выше по протоке, что-то громко булькнуло. Появилась волна, нарушая привычный покой степенного течения. Вода резко поднялась, облизав пятки Мавки и резко откатив, устремилась вниз, к зеркально-чёрному озеру.

– Водянуха, дорогой, – шепетнула девица и открыла объятия вынырнувшему толстопузому гиганту.

Пузан грузно выбросил на берег осклизлую тушу и махнул хвостом. В свете умирающего солнца хвост раздвоился, превратившись в две кривые волосатые ноги.

– Уф! – выдохнул водяной.

Мавка нежно обняла гостя и звонко чмокнула его в поросшую тиной щёку. Под зелёной кожей гиганта вспыхнул румянец.

– Рада тебя видеть, дедушка, – Мавка помогла подняться





гостю. – Как добрался?

– С трудом, внученька. Протока в некоторых местах сильно обмелела, пришлось вспомнить армейскую молодость и ползти по-пластунски.

– Ты бы похудел, что ли, – съязвила Кики. – Шейпингом там занялся, за русалками погонялся, глядишь, и авторитет не так мешать будет.

Мавка приснула в кулак. Водяной беззлобно улыбнулся и сгрёб сухонькое тельце кикиморы в объятия, оторвав от земли.

– И я рад тебя видеть, беззубая язва.

– Пусти ирод, поломаешь, – притворно завопила старушка. – Совсем стыд потерял, окаанный. Молодух щупай.

– Глянь-ка, а глазки-то заблестели, загорелись, – пробубльнул толстопуз. – Признавайся, скучала по мне? Вспоминала, как обжимались в березняке?

– Глупая была, молодая, вот и дала себя лапать. Да и не вспоминала я тебя совсем, нужно больно.

– Ой ли, – усмехнулся водяной и аккуратно поставил Кикимору на травку. – Чего же тогда сердечко колотится как у рыбёшки загнанной?

– Напугал, вот и бьётся, – ответила Кики и жеманно ударила водяного по тугому животу. – И не смей меня трогать! Я теперь замужняя ледь! Ща муж как придёт да волосенки на ногах-то тебе как повыдергивает! Будешь знать, как лапы распускать.

Мавка расхохоталась. Серебристым колокольчиком разлетелся смех по округе.

– Мавка, с днём рождения! – донеслось из лесу. На опушку выкатился замшелый куст. Зашевелился и рассыпался на пару десятков мохнатых пучков.

– С днём рожденья! С днём рожденья! С днём рожденья! – пищали пучки и ручейком текли к Мавке. Подкатившись к её ногам, ловко они забрались на сорочку, от чего та переокрасилась из голубого в черно-махровый.

Мавка смеялась и кружилась. Пучки, задорно попискивая, попадали в траву. Взошла полная луна. Кикимора с водяным смотрели на девушку, разинув рты. Сорочка переливалась в бледном свете, вышитая сине-зелёными светлячками. Хитиновые спинки мерцали причудливыми узорами.

– Красота! – Мавка запрыгала от радости и захлопала в ладоши. – Спасибо,

Лесавочки! Спасибо, милые!

В чаще три раза ухнул филин.

– Пора, – сообщила кикимора. – Зовут.

– Пора. Пора. Пора, – вторили лесавки, собираясь в куст.

Разношерстная компания тронулась в путь по едва заметной тропинке. В лесу было темно, свет луны не проникал сквозь густые ветви деревьев, но нечисть легко ориентировалась в темноте. Рубаха Мавки окрашивала процессию мертвенно-зелёным. Минут через пять впереди, между деревьев, появился огонёк. Ещё через пару минут компания вышла на большую поляну.

В центре горел огромный костёр, отбрасывая блики на стоящие вокруг него дубовые столы. Столы ломились от угощений. Чаши, наполненные пирогами с ягодой, кореньями и орехами. В искусно-вырезанных блюдах лежало жареное мясо на ребрышках, рыба, печёные яйца голубей и ещё много-много всего вкусенького, чтобы на всю ночь хватило. От глиняных кувшинов исходил аромат мёда и лесных трав.

По поляне с шумом носились различные тени. Над головою засвистело, и на траву с гуканьем приземлилось несколько ведьм. Спрыгнув с метел, дамы составили их аккуратным домиком и затерялись в толпе гостей. В чаще справа послышался звук ломаемых деревьев, и на поляну вышел вековой дуб. Он, кряхтя, достал из дупла две огромных бочки. Гости встретили бочки свистом и улюлюканьем, все знали, что Дубовик готовил очень вкусные пьянящие настойки.

Завидев Мавку, все замерли, а потом дружно закричали на разные голоса:

– С днём рождения! С днём рождения!

Девушка светилась от счастья. Совершеннолетие – важная дата в жизни любой нежити, и отмечали этот праздник с размахом. Гости приходили из соседних районов, чтобы поздравить и пожелать счастливой не жизни.

Под громкие аплодисменты Мавка скользнула на середину поляны. Костёр осветил стройную гибкую фигурку, фарфоровая бледность лица придавала красавице изысканного очарования. Русые густые волосы волнами спадали на грудь и прикрывали зияющую дыру на спине до упругих ягодиц. Восхищение пронеслось по поляне. Давненько они не видали такой прелестницы. Все замерли в ожидании.

За спинами гостей послышался шорох, и в тёплом свете костра показалось четверо лешаков с огромным тортом руках.

– Спасибо, гости дорогие, – промурлыкала Мавка, взяв нож, чтобы разрезать бисквитную вкуснятину. – Сегодня для меня знаменательная дата – я больше не привязана к одному месту и смогу гулять, где захочу. Спасибо, что пришли разделить со мной этот праздник! Угощайтесь, пейте и гуляйте до утра!

Зазвучала музыка, и гости, как по команде, двинулись к столам. К Мавке приблизился дед-водяной, в руках он держал ларец.

– Внученька, вот тебе от меня подарочек, – гигант открыл крышку. На бархатной подушке лежал венок из белоснежных лотосов. Нежные лепестки мерцали и переливались перламутром.

Мавка восхищённо замерла.

– Какая прелесть! Это же китайские. Как ты их достал, Деду?



– Контрабандой внученька, контрабандой. Сам Хэ-Бо* собирал их на озере Сиху* и заговаривал на красоту неуваждаемую и любовь. Он передал их с благодарностью за помощь, оказанную тобой его внукам, принесённых к нам ураганом.

Водяной поставил резной ларец, украшенный камнями, на землю и, взяв веноч, аккуратно возложил на русую головку чаровницы.

– Красиво! Красиво! – запищали лесавки, метавшиеся под ногами огромными пауками. – Божественно! Великолепно!

Гулянье было в разгаре. Дубовик засунул огромный корень в одну из принесённых бочек и довольно покачивался. Ведьмы выплясывали под звуки свирели, вокруг них прыгали мохнатые домовые из соседней деревни. Бородатый банник жонглировал берёзовыми вениками. Пьяненький водяной неуклюже бегал по поляне за молодой русалкой и, поймав, поволок в кусты. Зеленоволосая громко визжала и игриво колотила пузана по спине маленькими кулачками. Рогатые чертяки гоняли по поляне найденный поблизости человеческий череп.

– Пасуй! Мне пасуй! – кричал кучерявый малец с коротким хвостом.

– Бей! – взвизгнул одноглазый чертяка.

Череп взлетел в воздух и с громким стуком упал в дупло охмелевшего Дубовика.

– Го-о-о-ол! – разнеслось по поляне. Рогатые пустились в пляс.

Дубовик пошевелил кроной и с неё посыпались незрелые жёлуди, как блохи с шелудивой собаки.

– Отдай! – занудил долговязый чёрт со шрамом на свином пяточке. – Отдай, ну, чё ты!

Ветвистая лапа достала гладкую черепушку и швырнула её в гущу гостей. Чертяки с гиканьем бросились следом и погнались костяной мячик между столами.

Седоватый Лешак что-то шептал на поросшее мхом ушко Кикиморе, от чего та заливалась кричающим смехом. Пара молодых водяников соревновалась в метании ножей. Каждое попадание отмечалось дружными криками: «Гип-гип ура!» и опрокидыванием в себя очередной чаши с настоящей.

Мавка протянула прозрачные ладошки к огню в надежде, что тепло согреет её мертвое тело. На спине сквозь волосы просвечивались разлагающиеся внутренности. Слипшиеся лёгкие поросли тиной, с ребер лоскутками свисали бурые водоросли. Она передёрнула плечиками и, вынырнув из задумчивости, посмотрела в темноту.

Среди гостей прокатилась волна возбуждения. Справа в чаще затрещали ветки, нежить расступилась, выпуская в круг света пару серых оборотней. Красные глазищи и каплюющая с жёлтых клыков слюна могли напугать любого смертного, но среди нечисти этих мохнатых ребят очень любили. Они были отзывчивыми и всегда помогали, бегая по поручениям или заманивая смелых и таких аппетитных охотников в чащу.

Завидев именинницу, волчата радостно завилляли хвостами и вытолкнули вперед человека, стоявшего за их спинами.



Это был молодой парень. Живой и необычайно привлекательный. Светлые чуть вьющиеся волосы. Пронзительно-синие глаза. Белая вышитая рубашка не скрывала атлетического телосложения. Гости одобительно загудели. Внутри у Мавки что-то ёкнуло, казалось, что перехватило отсутствующее дыхание. Девушка не могла отвести глаз от смертного. Это был самый замечательный подарок, о котором мечтала любая утопленница. Многие искали своего спутника столетиями, но иногда так и не находили. А тут, в день совершеннолетия, такой сюрприз.

Именинница приблизилась к молодцу, опоенный сон-травой он казался квёлым и безвольным. Девушка обошла его со всех сторон, придирчиво осматривая. Экземпляр был поистине хорош.

– Угодили! Ай, угодили! – сверкнула Мавка белоснежной улыбкой. – Потрясающий неожиданный подарок.

– Мы поймали его у твоей запруды, – рыкнул один из оборотней. – Он уже несколько лун приходит и, прячась в рогозе, наблюдает за тобой, проказник.

– Вот и решили мы, что пора бы вам познакомиться, – проговорил второй волчок, тот, что ростом меньше и шерстью потемнее. – Ты уж сама решишь, что делать с негодником.

Мавка снова улыбнулась и прыгнула на парня. Тот глухо, как мешок с отрубями, упал в траву. Нежить заулюлюкала, загалдела, подбадривая именинницу. Довольная Мавка оседлала парня и впилась зубами в загорелую шею. Молодец дернулся и затих. Прошла целая минута, красавица оторвалась от парня и подняла бледное измазанное остро пахнущей кровью лицо.

– С днём рождения! С совершеннолетием! – закричали гости и, подхватив волчат под мощные лапы, увлекли к столам, оставив мёртвую парочку наедине.

Девушка была счастлива. Облизав пухлые губки, она прильнула к широкой груди избранника и сладко вздохнула пустыми лёгкими. Теперь ей будет с кем коротать длинные зимние ночи и охотиться на заплутавших путников.

Звенела музыка, стрекотали сверчки. Воздух был наполнен ароматами трав и весёлыми голосами. Подарок пошевелился.

– День рождения удался! – прошептала Мавка и поцеловала мертвенно-бледные губы остывающего трупа.

*Рогоз – высокие болотные травы. Листья длинные, лентовидные, корневые; стебель заканчивается коричневым початком.
Хэ-Бо – («дядюшка реки»), в древнекитайской мифологии дух реки Хуанхэ, которого представляли в виде существа с человеческим лицом, но рыбьим туловищем.
Сиху – знаменитое пресноводное озеро в центре города субпровинциального значения Ханчжоу провинции Чжэцзян Китайской народной республики.*



Ангел-хранитель

Александр Лункрай

Знающие говорят, что мёртвые спят спокойно. Гниющие и высохшие, и ещё только распухшие трупы безмолвно покоятся в земле. Тишину кладбища обычно нарушают только живые. Это закон подобных мест: покойники – молчат, подвижные – нет.

Но той ночью, в первый день июльского зноя, закон был нарушен. От звериных воплей мёртвые содрогнулись в могилах...

А потом явился он...

Луна тайком наблюдала за существом, идущим вдоль узкой тропы среди старых могил. Дикий вереск касался плаща гостя и тут же погибал. Аура демона пожирала живое, энергию природы обращала в силу для хозяина. Высокий человек, мужчина на вид среднего возраста, черноволосый, владыка, Хозяин, мастер тёмных сил, шёл на истощный лисий вой.

Уверенным шагом приближался к норе, где хищница рождала детёныша. К покойным её привёл голод. Она питалась исключительно ветхими трупами – в них застывшие знания, будто пища для смертного, передавались зародышу. Плод зверя, наделённый разумом, инстинктивно направлял мать, пользовал выносливое тело, чтобы вырасти, набраться сил и родиться живым мертвецом.

Демон присел у ямы, чёрные глаза блеснули, и страдающий зверь по воле незнакомца выполз наружу. Лисица истошно подвывала, то ползла, то пыталась встать. Огромное брюхо волочилось по земле, оставляя неровный след. Бес, почуяв внутри силу ауры, опутавшей кладбище, становился

сильнее. Хруст тонких ребёр дал знак, что пора помочь детёнышу явиться на свет. Лиса забилась в конвульсиях, от боли уже не рычала, а пускала пену из пасти, а жёлтые глаза затянулись белой пеленой надвигающейся смерти. Черноволосый полумертвец прижал лисью голову к земле, зубами снял перчатку с руки. Коготь демона одним ловким движением распорол брюхо.

С тонким писком, перешедшим в многоголосые вопли, на свет явилось создание, похожее на большого кота, рыжего окраса. Оно шипело и подвывало, содрогалось, пыталось встать на задние лапы, словно человек. Разбрасывало кровавую слизь, отряхиваясь, бросало взгляд в стороны, пытаясь что-то найти. Смотрело то на небо, то глядело сквозь демона. Глаза ещё не привыкли зреть невидимое.

– Посмотри на меня, – раздался голос в голове беса. – Узри своего Хозяина.

Черноволосый встал во весь рост и натянул перчатку. Порыв ветра развеял плащ, а бес услышал первые звуки, почувствовал запахи и ощущения мира. Узнал древний язык, эти слова – сама жизнь, что начинается с первого крика. Бес подхватил мысли Хозяина и, наконец, увидел его.

– Отдай живой плоти, – приказал владыка, указывая на труп выносившей матери. – Тело требует пищи. Та-



ково правило жизни среди смертных.

Бес, не задумываясь, вонзил клыками в лисью шею и стал разрывать плоть, поглощая мясо вместе с шерстью. Лапами он упирался в тело, а острые когти с каждым глотком крови удлинялись. Бес видоизменялся, ежесекундно рос, и кошачий облик сменил человеческий.

Дробил кости на осколки и глотал, раздробил череп, принялся лакать мозговую жидкость, забирая последнее у родителя. Когда он проглотил тело матери, уже был похож на низкорослого юношу. Но кожа рыжеватого оттенка, большие медовые глаза с кошачьими зрачками и неестественно длинные руки с когтями, как у хищного зверя, выдавали нечеловечность этого создания.

– С явлением в мир смертных, бес.

Он непонимающе посмотрел на Хозяина и выпрямился, вбирая остатки силы. Очередной порыв ветра разнёс по кладбищу смех старшего и торжественный визг ученика.

– Когда ты станешь таким, как я, выберешь себе имя – это и будет день твоего рождения...

– Каждая людская жизнь – это сила. Благодаря тому, что есть они, существуем и мы. Это поток энергии, фундаментом которого стали эмоции и чувства, лучшими из которых есть гнев и страх. Чем больше ты сможешь создать подобных переживаний вокруг себя, тем сильнее станешь. Мой путь в мире людей скоро закончится. Я превращал любовь в ненависть и благодарность в отвращение. Теперь я создал тебя и, наконец, смогу воссоединиться с Создателем. Стать гневом и страхом, ужасом и омерзением. Ненавистью и безжалостностью. Злом. Я смогу раствориться в мире, обрести вечную свободу. Но для этого я должен передать свой опыт тебе. Таково правило.

– А они? – бес указал на небо.

– Там всё иначе, мы мало знаем о них, а они – о нас, – ответил Хозяин.

– Когда я смогу попробовать?

– Скоро. Но сначала я сам тебе покажу.

Они сидели на лавочке цвета малины, в молодежном парке, что в окрест-

ностях города. Их никто не видел и, конечно, не слышал. Они сидели здесь уже целый земной день. Мастер рассказывал ученику о предназначении. Он объяснял схемы жизни, рассказывал решения формул земного потока. Демон и его подмастерье.

– Давай посмотрим, кто здесь есть подходящий, – предложил черноволосый.

Он окинул взглядом аллею, вдоль которой стояли лавки. Людей было немного.

– Старик не подойдёт, этот – слишком силён духом. Дети не в счёт, пока бесполезны, они – не цель. Вот ещё женщина, но у неё сильный ангел-хранитель, это видно по глазам. Вот тот парень, пожалуй, подошёл бы, но в его жизни нет ничего интересного для нас. Слишком неэмоционален. Тот мужчина уже занят таким, как я. Видишь, какое лицо у него? А, вон пара вдалеке...

Они моментально перенеслись к пруду. Девушка выглядела расстроено, она что-то объясняла своему парню. Они стояли у пруда, в котором плавали лебеди, и, казалось, парень не слушал подругу, а лишь смотрел на белых птиц.

– Ты меня слышишь?! – девушка перешла на крик.

– Слышу, – прошептал юноша, – Я слышу!

– Прости...

Она собиралась уйти, но что-то её не отпускало, а что, понять не могла.

– Они нам подходят, – сказал учитель. – Юная парочка. Девчонка хочет расстаться с парнем. Она клялась ему в любви, а теперь бросает из-за другого. Разбила пареньку сердце. А ты знаешь, что происходит, когда разбиваются сердца?

– Нет.

– Они чернеют и умирают до тех пор, пока ангел-хранитель не спасет их от гибели. Но у них нет своих ангелов.

– Почему?

– Девушка дала клятву и нарушила её. Ангел оставил её, она полюбила человека, душа которого обручена со злом. Светлый дух не вынес этого и покинул её.

– А у парня?

– Он так сильно любит, что ангел ему не нужен. Любовь сильнее, но вот именно сейчас она же его и убивает.

– Вы читаете их мысли?

– Конечно. И не только мысли. Когда твоё обучение подойдёт к концу, ты тоже сможешь видеть людей, как я.

– Что мне делать?

Зверь удерживал девушку на месте. Он сковал её волю и не пускал. Парень смотрел ей в глаза, он сказал:

– Ты же поклялась мне в любви... Я собирался прожить с тобой всю жизнь, я люблю тебя! Так люблю... – он замолчал, слова кончились, а глаза наполнились влагой. Она тоже заплакала, но её слёзы были по другому поводу.

– Убей парня! – приказал учитель.

– Парня? Я думал, девушку – она же нарушила клятву.

– Правильно. Это будет её наказанием. Её сердце не черство, а это значит способно испытывать боль душевную. Сделай так, чтобы она винила себя в смерти своего бывшего парня. Всю жизнь...



– Повинуюсь, учитель.

– Посмотрим, какое у тебя воображение.

Бес окинул взглядом пруд. Сделав пару замысловатых движений указательным пальцем над раскрытой ладонью левой руки, он стал всматриваться в узоры, которые начали появляться на рыжей ладошке. Нарисовав лебедя, бросил этот силуэт из огня в озеро.

– Обращение! – возликовал учитель.

В пруду с прозрачной водой царил покой и жила красота, но что-то случилось, страшное и злое. Пять белых птиц беспокойно взмахнули крыльями. Зашипели.

Вдруг парень в порыве чувств обнял девушку за плечи и поцеловал. А она не могла ни говорить, ни двигаться, не поняла, как руки сами оттолкнули его. Почувствовала тяжесть

его тела, а через мгновение он упал через ограждение. Желание оттолкнуть властвовало над ней, ещё желание убежать, но не могла.

Её не пускали.

Теплая от солнечных лучей вода ударила брызгами, возвращая в сознание. В этот момент незримые оковы спали, она выкрикнула имя. Это был последний раз, когда она произнесла – когда-то так ласково звучащее – Альвин. Девушка уже начала винить себя за такую глупость. Она не желала такого поступка, просто хотела убежать.



Однако что-то придало её рукам силу.

Лебединая стая набросилась на юношу. Парень столкнулся с дикой яростью и злом. Они клевали его так, что каждый раз он испытывал невыносимую боль. Птицы почувствовали животную силу. Сначала разорвали одежду, хватая вместе с кусочками кожи, затем, как голодные стервятники, разорвали тело, поделив поровну. Он был растерзан так, словно это раненый и взбесившийся от боли бурый медведь напал на неудачливого охотника. Парень умер в муках, а лебеди уже через полминуты мирно плавали среди человеческих остатков. Пруд окрасился кровью, белый цвет оперенья сменил алый. Сбежавшаяся толпа пришла в ужас. Крики ставших свидетелями зевак перебивал один её крик. Она не слышала себя, отчаянье поглотило сознание, страх сковал.

Вопли не доставляли беспокойства лишь им, стоявшим в стороне.

– Её душа наша. Оставим пока её. Должно пройти время. Сейчас шок, неосмысленность случившегося заслоняют нужные нам эмоции. Насколько её страдания будут велики... От силы этих мук будут расти твои силы. Это ещё одно постоянное правило. Каждый раз, выбирая жертву, бей по людским чувствам. От них зависит результат твоей работы.

– Я всё усвоил, учитель...

Шли дни. Бес обучался. Они разговаривали. Смотрели на людей. Мастер показывал новые лазейки к людским душам, новые ловушки.

– Смотри! Этот человек свободен, – сказал демон.

Они сидели в автобусе. Транспорт стоял на остановке и ждал людей.

– Водитель? – переспросил бес.

– Да. Тоже без ангела. А значит, ничей. И есть, за что зацепиться. Значит, можно брать. Если хватает сил. У меня хватает, у тебя пока ещё нет. Ты знаешь о том, что душа человека, сама по себе может убить демона?

– Нет.

– Никто не знает, почему это происходит. Утверждают, что это зависит от силы воли человека. Я тоже так думаю. Этот водитель, он устал. Он ненавидит мир. Ему мало платят, а работает много. Автобус постоянно ломается, а ремонт он оплачивает сам. Даже работу сменить не может – никто не берёт. А люди постоянно хамят.

– Ненависть, – утвердил бес.

– Он наполнен ею. Я чувствую, как он кипит. Это удача. Мне лишь стоит его подтолкнуть на это...

– Позвольте мне?

Учитель кивнул.

Бес встал с сиденья и подошёл к водителю, прошептал ему что-то на ухо. После этого шофёр достал из-под кресла лом и вышел с ним на улицу.

– Зрелище! – воскликнул мастер. – Что ты ему внушил?

– Что он ничтожество.

– Видимо, правильное ты слово подобрал, раз это так его взбесило. Ты хорошо чувствуешь людей. Я доволен тобой.

Питаясь эмоциями, наслаждаясь людским страхом, они смотрели, как мужчина избивает прохожих ломом.

– Страх – величайшее из чувств! Знаешь, на что способен страх, что он может сотворить с человеком?

– Вряд ли знаю так хорошо, как вы, – ответил ученик.

– Однажды я обратил смертную девушку. Она поклялась мне в верности за награду. А я сказал ей, что если она предаст меня, не станет выполнять мои приказы, то я вырву её длинные кудрявые волосы. Что она умрёт в муках... И однажды она предала меня. Не выполнила поручения. И когда я пришёл к ней, увидел, что она обрила свою голову налысо. Не осталось и волоска. Так она боялась наказания.

Думала, что боль та, которую я ей обещал, – самая сильная и мучительная. Это я внушил ей, и помог мне её страх.

– Ну что же вы сделали?

– Я оторвал ей уши...

Беззвёздная ночь и мелкий тёплый дождь. Они с вечера следили за ней. Девушка уже несколько суток не спала, почти не ела, металась по квартире, проклиная себя за то, что предала друга. Всё происходило так, как предвидел Хозяин. Она мучилась.

– Куда она собралась? – спросил бес, когда увидел, как она решительно пошла в сторону входной двери, быстро надела туфли и вышла.

– Я полагаю, решила пойти к своему возлюбленному. Странно, что сразу не пошла за утешением.

Она бежала к человеку, ради которого предала клятвенную любовь. Шла не для ласк или забав, а разрыдаться в плечо поддержки.

Демоны сразу же отправились к этому человеку. Это был парень двадцати трёх лет. Спортивного телосложения, полная противоположность погибшему. Когда мастер и его ученик вошли в комнату парня, то увидели рядом с ним демона, такого же, как и сам Хозяин.

– Ты? – удивился первый.

– Давно не виделись! Смотрю, ученика выродил. Значит, скоро всё?

– Да.

– Я тоже скоро попробую беса вызвать. Вот мой последний объект, и сил будет достаточно.

– Как давно ты над ним?



– Два года. Бывший отличник, бабушек через дорогу переводил. А сегодня он уже готов на убийство.

В комнате грязно, бутылки из-под пива валяются на полу вместе с окурками. Парень откупорил новую.

– Убийство? – переспросил зверь.

– Да. Именно сейчас сюда идёт его девушка. Да вы и сами знаете... Этой ночью он сначала изнасиловал ту, которая его любит, а затем жестоко убьёт. Вот только мы не можем с ним определиться – сначала изнасиловать, а потом убить, или наоборот?

– И он готов?

– Абсолютно, – ответил второй демон. – Смотри бес, учись.

В комнату вошла она, перед этим долго пытаясь отомкнуть дверь своими ключами. Мокрые от слёз руки дрожали, когда она подошла к нему и что-то простонала.

Она принесла в комнату не только слёзы, но и дождь. Демон что-то прошептал. Душа парня запылала яр-

стью.

– Ты мне ковёр намочила! – крикнул юноша.

– Он погиб, – еле слышно простонала девушка.

– Кто?! Плевать, – махнул он рукой. – Какая жалость!

– Как ты можешь так... – она закрыла лицо руками и зарыдала.

Никто не видел, как довлевший над парнем демон, колдовал, как шаман, рисуя в воздухе различные знаки, рисунки будущих событий.

Парень взял её за руку, приподнял и ударил по лицу. Затем нагнулся за бутылкой.

– Жаль. Я думал, с ней нам повезло, – сказал Хозяин, наблюдая за мастерством собрата. И за людской драмой.

Но когда рука поднялась, чтоб нанести смертельный удар, в комнату сквозь стены, пол и потолок ворвался свет. Лучи, такие чистые и яркие, что ослепили всех присутствующих, зримых и невидимых. А парень ощутил невыносимую боль и рухнул бессознательно.

– Явление! – разозлено воскликнул демон. – К ней ангел спустился!

– Смотри, ученик, что получилось, – стал объяснять Хозяин. – Любовь к человеку, обручённому со злом, не позволяла ангелу позаботиться о ней. Но любовь ушла, когда любимый так безразлично отнёсся к новостям и ударил. Она поняла, что ошиблась в нём. Появилась ненависть. Когда у



человека появляется это чувство, ангел пытается его заглушить. Он либо приходит навсегда, либо просто помогает однократно.

Свет померк. В комнате стоял ангел, подаривший свет надежды. Смотрел на девушку. С его лёгкой руки лучи коснулись её тела.

Но она не приняла их. Убежала.

– Теперь мне придётся искать другую цель, – сказал второй демон, глядя на бессознательного подопечного.

Ангел посмотрел на слуг зла.

– Это же тот парень! – удивился бес.

– Да, время не везде течёт одинаково. На земле прошёл день, а в других мирах года, – объяснил зверь.

– Эй! Ангелочек, а ты хоть помнишь, как ты погиб?

Ангел растворился в воздухе.

– Нет. Они ничего не помнят о прошлой жизни. Пойдем, посмотрим, что с девчонкой.

Они нашли её на крыше высотного здания. Она хотела прыгнуть вниз и покончить с жизнью. Позади неё сто-

ял ангел, держал её за плечи и не давал сделать последних шагов. Когда-то при жизни он любил обнимать её так же, а теперь держал, спасая от прыжка.

– Интересно, справится? – полюбопытствовал Хозяин.

– Он столкнет её, – заявил бес.

И в эту же секунду она сделала шаг назад. Как только попыталась, ангел толкнул её в пропасть смерти.

– Вот это да! – воскликнул мастер. – Как ты это понял, ученик?

– По его лицу, ещё там в комнате.

Ангел исчез, но уже не так, как в прошлый раз. Его лицо исказила гримаса боли и зла. Когда он испарился, зверь почувствовал исходящее от его души зло.

– Всё-таки они помнят, – подметил демон. – Обняв её в последний раз, он бросил её, как она его когда-то...

– Мсть бывает и от добра.

– С днём рождения! Бес.

– Называйте меня Фокс.





Нежданный звонок Александр Тэмлейн



Старинная пичужка, бронзовая от природы, но зелёная от возраста, хрипло прокукукала и поспешно скрылась за крохотными резными дверками. Виктория Масуфаиловна задумчиво посмотрела на зелёную жидкость в бокале.

– Ну вот и всё, – грустно сказала она. – Вот мне и двести двадцать.

Она грустно «дзынькнула» ногтем по стеклянной ножке. По комнате поплыл хрустальный звон.

– И ведь никто не позвонит, не поздравит... А, Мельвезер, правда ведь?

Пузатый красный чёртик с трудом приподнял бокал и чокнулся с колдуньей.

– За твоё здоровьёшко, раскрасавица!

– Ой, да прям уже, раскрасавица, – зарделась потомственная ведьма, как маков цвет. Всего-то немного омолаживающей косметики да крем от «Упырей, оборотней и Ко».

Но комплимент был приятен, что ни говори. Волшебница украдкой взглянула в зеркало. Оттуда лукаво на неё взирала молоденькая конопатая, но симпатичная рыжая бестия.

– Эх, – пригорюнилась Виктория, отчаянно отпихивая миниатюрного зелёного змия, присевшего ей на плечо и так и норовившего цапнуть её за нос. – Нет, всё-таки старею я! Вот смотри, Мельвезерушко: у Мариши из аналитического отдела кто? Правильно, жених. Ну и что, что subtilный какой, зато на личном БМВ приезжает.

– БМВ весь чёрнёный, стати вороной, – поддакнула говорящая метла из угла.

– У Наташи из маркетинга – муж! – продолжила именинница, словно и не замечая своевольничающей утвари. – У Танюши – парень, на каратэ ходит, натуральный Бельмондо. А у меня кто? Ну, кто?

– У тебя есть мы, – ласково сказал ей портрет Сталина.

Девушка грустно обвела взглядом свою комнатку. Повсюду висела паутина, на подоконнике, нахохлившись, клевала крошки ворона, а в углу играли в преферанс мыши. Всё, как и положено в ведьмовской квар-



тире, но вот чего-то – не хватало.

Мужа не хватало. И кота чёрного, как подсказала ей интуиция. Нету, и не будет.

– Эх, – в очередной раз сказала ворожея, поднимая бокал. – Одни только вы у меня есть, других и не надо! За это и выпьем!

– Трррень! – сказал телефон. – Трень-брень! Звонит друг сердешный, важную вещь передать желает.

Колдунья свой бокал так и выронила.

– Да?! – поспешно схватила она свой мобильник.

– Викуська! – жизнерадостно сказала трубка. – Привет, это я! Игорёк, то есть. Я вот подумал, мне тут Олеська по секрету шепнула, днюха у тебя сегодня! Мы тут хотели небольшой корпоратив устроить, но, как на зло, все разъехались по курортам, в общем, ты как хочешь, а я приглашаю тебя в ресторан! Форма одежды любая, но желательно с декольте. Пулей в ванную, я через часик подъеду.

– Ой, – только и сказала потомственная ведьма. – Ай. Я, это...

– В общем, жду, – подытожила трубка и отрубилась.

Зеркало живописало немую сцену. Чёртик, кукушка и метла с живым интересом взирали на остолбеневшую хозяйку. Её волосы встали дыбом, в глазах проскальзывали фиолетовые искорки – и весь вид был такой, словно её ударило высоковольтным разрядом. Наконец её отпустило.

– Аааа! – многозначительно прокомментировала сложившуюся ситуацию колдунья и отчаянно заметалась по комнате. – Что ж одеть, что одеть-то?!

Наконец вытащила из старинного комода коротенькое ультрамодное платье и поспешно скрылась за дверью ванной. Оттуда донеслось:

– А зелье-то, бабушкино приворотное, ещё работает!

Чёртик и зеркало озадаченно переглянулись.

– Какое ещё зелье? – нахмурился Мельвезер. – Да я его давно вылил и взамен, в шутку, касторки налил.

Некоторое время в помещении царил озадаченная тишина.

Наконец хрустальный шар загадочно вздохнул.

– Это к переменам, – самодовольно оповестил он.

– К каким же? – озадачилась метла.

А маленький пузатый чёртик с трудом наклонил большой бокал и влил в себя изрядную порцию выдержанного армянского коньяка.

– Как к каким? К коту, – весело пробормотал он себе под нос. – И к Хозяину!





Ночь воронья

Лантев Станислав

Зло нахлынуло, подобно огромной волне. Оно ощущалось физически и заставило людей пошатнуться и пригнуться к земле. Сверху, из-под крон деревьев, плотно закрывавших небо, луну и звезды, хрипло и недобро засмеялся ворон.

Молодой мужчина, шедший впереди отряда, снял с головы шлем, опустился на колени и начал читать молитву об изгнании бесов. Постепенно чары стали рассеиваться и со словом «аминь» наваждение окончательно исчезло.

Ян поднялся с колен.

«Да, нелегкую задачу поручил князь, – мелькнуло у него

в голове. – Прежде ни с чем даже близко похожим сталкиваться не приходилось».

А началось все с того, что на двор к князю явился волхв. Был он высокого роста и шел прямо, не горбясь, несмотря на преклонный возраст; за спиной жреца висела дорожная сума. Какой-то непонятной торжественностью веяло от старика, но больше всего поражали его глаза, ярко и необычно блестящие сквозь длинные спутанные седые космы, закрывавшие лицо; на левом плече волхва сидел огромный ворон, сверкавший угольно-черными бусинками глаз. Гривни расступились, пропустив странного гостя.

Всем была известна ненависть могущественного правителя, возлюбленного сына князя-крестителя, к пережиткам старины, врагам христианской веры, колдунам и ведунам. Не раз князь тиуны резали языки, жгли бороды, рубили головы непокорным кощунникам и ведунам – и было странно от того, что волхв явился к своему врагу сам.

Дойдя до костра, на котором ежедневно вершился суд, старец остановился и, поклонившись пламени, заговорил. Громко и звонко звучал его голос, словно не древний кощунник обращался к князю, а молодой отрок.

– Недоброго тебе дня, тот, кто родился русом, и стал греком. Боги послали меня к тебе сообщить, что недолго осталось терпеть распятого на Руси, не пройдет и семи лет, как ты и присные твои будете низвергнуты. Хорс, Ящер, Свентовит возвращаются к внукам своим, и низкопоклонные христиане будут покараны и истреблены. Идем на вы!

С этими словами он снял с плеч суму, вынул из нее отрубленную человеческую голову и бросил к ногам ошеломленного князя.

– Это же настоятель церкви святого Амфилохия в дубовой роще! – сказал один из бояр.

– Мы лишь вернули свое, – ослабил язык, – с незапамятных времен в роще, наши предки, приносили жертвы Перуну и Ящеру. Пусть греки убираются к себе в Царьград, а мы будем чтить наших богов! Довольно! Истинно говорю вам, выбросьте кресты и вспомните заветы мудрых предков.

Наглость старца переполнила чашу



терпения слушавших. Молодой дружинник, быстро подошел к волхву, выхватил из-за пояса топор и ударил того по голове. Жрец беззвучно упал на землю, но ни капли крови не пролилось из чудовищной раны на голове.

– Убрать эту падаль и бросить на съедение псам, – распорядился князь.

И в это самое мгновение тело волхва обвил плотный туман, он поднялся высоко, принял очертания человеческой фигуры и растаял.

Первым заговорил митрополит:

– Велики козни врага рода человеческого! Вот и сейчас он послал к нам слугу своего, но не страшен диавол тем, кто верует в живого бога и освящает себя крестным знаменем. Забудьте все, что успел наговорить этот безумец, ибо его устами с нами говорил подлый змий.

Вечером митрополит уговорил князя отправить малую дружину, чтобы изгнать поганых из оскверненного храма и сурово покарать распоясавшихся смердов. Выбор пал на Яна Вышатича, известного своей храбростью и силой молодого витязя.

Так сын киевского тысяцкого с отрядом в двадцать дружинников отправился изгонять поганых язычников из церкви.

Уже когда воины подошли к роще, им предстало жуткое зрелище – на самой опушке дубравы стояли кресты, на которых висели окровавленные скелеты в поповских ризах. Предав останки убиенных земле, дружинники вдруг почувствовали усталость, они стали зевать, перед глазами все поплыло, и веки будто налились свинцом. Напрасно Ян уговаривал не спать, его никто не послушал. Дружинники повалились на траву, словно подкошенные, почти мгновенно заснув около свежих могил.

Проснулись воины лишь вечером. Не дав им умыться и перекусить, озлобленный Ян повел дружину в чащу.

– Собачьи дети, – костерил он своих подчиненных. – Хорошенькое это дело ночью идти в испоганенную церкву?! Черт бы вас побрал!

– Ты лучше сам не поминай рогатого, – отвечал один из дружинников. – Авось все обойдется! Не старухи, чтобы ночи бояться!

– Как дети, поддались чарам, – не

унивался Ян. – Чувствую, что нежить только проверяла нас. Хорошо, попы научили меня молитве об изгнании бесов. Может, пригодится и выручит в трудную минуту.

Так оно и случилось. Рассеяв молитвой наваждение, отряд шел какое-то время, пока не вышел на большую поляну. В небе стояла полная луна, освещая большую бревенчатую церковь. Крест, вместо того, чтобы гордо стоять на куполе, валялся недалеко от приоткрытой двери.

– Раньше на этом месте было Ящерово капище, – заметил один из дружинников. – Многих пленных ромеев здесь принесли в жертву хранителю пекла. После женитьбы князя Владимира на гречанке Анне митрополит уничтожил кумирню и построил храм, чтобы очистить рощу от скверны. Я знаю, мне отец рассказывал, ведь он сам был в отряде, уничтожившем эту кумирню.

Вновь закаркал ворон; странным звучал голос птицы, казалось, что она насмехается над людьми. Все перекрестились.

– Ну, хватит лясы точить, – сказал Ян. – Пусть Олеша войдет внутрь и посмотрит, что там.

Низкорослый, но крепкий Олеша, недобро взглянув на предводителя, обнажил меч и направился к двери. Только он вошел, как раздалось: «Кар-карр». Только на этот раз в хриплом голосе птицы отчетливо проступали зловещие ноты.

– Карр-карр... Карр-карр-карр-карр...

Люди уже начали привыкать к карканью, как из церкви раздался вопль, дикий, леденящий кровь, он разрывал воздух и резал по барабанным перепонкам, словно остро отточенная бритва. Холодный пот выступил на лицах людей, слышавших этот ужасный крик. Первым очнулся от кошмарного оцепенения Ян. Он выхватил боевой топор и кинулся к храму, но не успел сделать и трех шагов, как из дверного проема вышел давешний старый жрец.

– Ну что ж, добро пожаловать, гости дорогие, – произнес он, вытирая рот от крови. – У нас сегодня большой праздник. День явления Ящера, сына моего младшего.

– Мы не боимся тебя, Чернобог, – ответил Ян, вспомнив по песням калик, кто вышел к нему навстречу. – С нами господь и все святые его. Святая молитва и закаленная сталь помогут нам, если не уберешься из церкви подобру.

– Да и что меня бояться? – спросил Властитель нави, выходя из дверного проема. – Вот сына моего – мудрено не испугаться. А молитву можешь прочесть, если слова из дурной головы не вылетят.

Ян вновь опустился на колени и начал читать молитву, язык слушался его с трудом, и слова, исходившие из уст, звучали не так уверенно, как прежде. Остальные дружинники обнажили клинки и медленно начали приближаться к срубам.

Черный бог отошел от дверного проема, и из-за его спины в проходе показалась чудовищная морда, вся в свежей крови. Змей открыл пасть, усеянную огромными желтыми острыми неровными зубами, и заревел.

– Бежим! – дико завопил кто-то.

Топор звякнул о камень, выпав из рук Яна. Молодой дружинник оглянулся, чтобы бежать, но понял, что отступать некуда. Со всех сторон из-за деревьев на него и его людей смотрели желтые глаза, полные злобы и голода.

А вверху довольно каркали вороны...



Хвост, рога и смех

Владислав Ефремов

На мгновение вернулось старое, меланхоличное чувство. Как, случайно разбив вазу, стоишь в коридорчике детского сада и смиренно выслушиваешь нотации. За дверью все галдят, что постоянно отвлекает от слов воспитательницы. Ты хочешь вернуться, но обострённое чувство вины не позволит, смеясь, играть игрушками, как раньше.

Это ощущение вынырнуло из далёких воспоминаний и исчезло, не поладив с реальностью. Ребёнок давно вырос, и теперь от него пахнет пивом.

– Кем я тебя ещё не называла?

– Слабохарактерным, – ответил я наугад.

– Было! Раз пять! – с упреком сказала Света и добавила в шестой. – Слабохарактерный болван. Жаль, заменить тебя некому.

– Да перестань! – не выдержал я. – То, что я немного выпил, ничего не меняет. Это... Да это даже лучше. Легче войти в роль, проявить себя и всё такое.

– Никакой самодеятельности. Быстренько пройдишь по тексту и уходи, ясно?

Я бодро кивнул. Вернее попытался, потому что вышло так, словно я собирался боднуть рогами Свету и промазал.

– Пьянь, – вынесла вердикт она. – Когда-нибудь узнаешь, как это «ничего не меняет».

Наша крохотная театральная труппа «напала» на очередной детсад и сегодня показывала сказку. Я играл чёрта, злодея и прохиндея, появлявшегося на сцене на несколько минут, чтобы напугать детишек тонной ужасного грима и грязной одеждой. Так уж совпало, сегодня у меня был День Рождения, и, естественно, я начал праздновать ещё вчера. И совсем чуть-



чуть утром.

В общем... Да.

Поздно искать оправдания. Совесть проснулась и принялась за дело. Спасибо Свете.

В зале десятки звонких голосов дружно принялись кричать:

– Чёрт! Вы-хо-ди!

– Обожаю пугать детей, – неожиданно сказал я.

– Да простят меня дети, – вздохнула Света и рывком открыла дверь. – Пошёл!

Качнувшись, я вбежал на импровизированную сцену, вытянул вперёд руки и грозно, как мне казалось, прорычал:

– Аааах! Звал меня, Иванушка-дурачок?!

Тот принялся героическим слогом втолковывать, зачем он тут и что ему нужно. Я слушал в пол-уха. Всё шло по сценарию, кроме...

Дети. Они смеялись. Все до одного. Смеялись над тем, кто должен пугать детский разум не хуже дальнего угла в тёмной комнате. Эти едва за живот не держались, словно вместо чёрта вышел клоун.

Неправильные дети.

– Ничего ты от меня не получишь! – едва не пропустил свою реплику я.

Потянул за спрятанную верёвку, чем заставил хвост за



спиной в припадке дёргаться. Проверенный множеством выступлений трюк... не сработал. И снова смех.

Что с этими детьми?

– Дядя Чёрт, вас разве не учили, как нужно махать хвостом? – пролепетал мальчик на первом ряду.

– А что рога нужно чистить, вам мама не говорила? – смеясь, добавила девочка рядом с ним.

Я опешил от такой наглости. Звон голосов и нескончаемый смех вдруг ударили в голову. Пол показался кривым, покосившимся, а голос Иванушки – далёким и неразборчивым. Я с трудом удержался, чтобы не упасть, и случайно дёрнул за верёвку. Хвост забил по спине.

– Да не так! – весело соскочив со стула, сказал тот мальчик. – Вот! Смотрите!

Из-под футболки, подобно змее из шапки факира, вылез чёрный тонкий хвост. Он извивался, бил по полу и стулу, прогибался дугой и падал безжизненной верёвкой. Позабыв о роли, о Дурачке и обо всём на свете, я смотрел на это безобразие и не знал, что делать.

– Да-да, вот так! – подхватила девочка.

Из-под волос показались небольшие, как у молодого оленёнка, рога. Уже заострённые, они отдавали странным блеском, что ещё больше приковывало взгляд. Девочка ещё что-то говорила, пальцами проводя по ним. Видимо о том, как нужно ухаживать, но я уже не слышал. В голове раздавалось только громкое остальным детям:

– Да, дядя Чёрт!

Хвост, рога и смех...

Рядом резко появился Иванушка, одёрнул меня и шёпотом произнёс:

– Ты чего замолчал?

Моргнув, я удивлённо посмотрел на него, потом на детей. Ничего необычного. Они даже притихли, чтобы разобрать, о чём мы говорим.

– Испугали меня твои помощники. Забирай своё кольцо, Иванушка! Ты победил!

Я отдал его и, поджав хвост, побрёл со сцены. Странно, но детей это огорчило. Словно они симпатизировали мне, а не Иванушке.

– Молодец, – похвалила Света, переодевшаяся в королеву. – Ну, я пошла.

– Удачи, – пробормотал я.

Кабинет директора детсада оказался загадочным местом. На подоконнике, на столе, на полках и в шкафу уютно разместились разноцветные забавные игрушки. На стенах, среди одиноких дипломов в рамках, висели вырезки из детских журналов. Каждый входивший начинал жалеть, что он не ребёнок, а сами дети... Вот это-то самое забавное. Почти наверняка никто из них тут никогда не появлялся. Для кого всё это? Непонятно...

Молодая директриса поправила очки, улыбнулась и снова повторила:

– Чёрт детям очень понравился. Очень-очень. Они ещё долго будут его обсуждать.

– Нам он тоже нравится, – иронично произнесла Света.

А мне только и остаётся, как в психушку обратиться. Никогда ещё так сильно выпивка по мозгам не била. Хвост этот... Рога...

– Кстати...

Директриса поднялась и подошла к Свете, держа в руке конверт.

– Вот вам награда за старания. Для детей любое такое представление – праздник. Приходите снова, как будет что-нибудь новенькое. Только обязательно с чёртом.

– Обязательно. Вы будете первыми...

Дальше я их не слушал и лишь обречённо смотрел, как из-под юбки директрисы торчит, извиваясь, хвост. Тонкий, чёрный и настоящий.

Уже потом, когда мы шли домой, неся декорации, я сказал:

– Знаешь, ты в чём-то всё-таки права. Я подумываю бросить пить. А то... ну... мало ли...

Я не знал, как сформулировать причину, и замолчал. Света ответила не сразу.

– Это, конечно, хорошо... Но тот факт, что у директрисы был хвост, – задумчиво сказала она, – это не исправит.



Балаганное Агалин Догмар



Николай ехал в автобусе и размышлял, теребя в руках письмо. На днях он обнаружил на пороге своей квартиры белый конверт. Его содержимое оказалось весьма любопытным:

«Суртаев Николай Владимирович, Вас приглашают на празднование сто пятьдесят шестого дня рождения».

Отправитель не указывался, только адрес. Николай обратился на почту, но и там ему ничем не смогли помочь, уверив, что села Балаганное не существует. У любителя всевозможных авантур и развлечений Суртаева сразу загорелось желание разобраться в этой интересной истории. Первой была мысль, что друзья решили таким образом пошутить и устроить какой-нибудь сюрприз. Поэтому Коля без сомнений

отправился по указанному маршруту в письме. Но, сидя в автобусе, с каждой остановкой эта мысль теряла приоритет. Особенно когда пассажиров становилось все меньше и меньше, пока Николай не остался наедине с угрюмым молчаливым водителем. Тучи за окном спрятали солнце и накрыли землю серой тенью, придав атмосфере какую-то напряженность. Вроде бы и повода для волнения не было, но каждая клеточка в мозгу сопротивлялась поездке, переходя в навязчивую мысль о том, что идея плохая.

– Конечная! – огласил водитель, затормозив у старой покосившейся остановки посреди лесополосы.

Николай Владимирович поднялся с сиденья и прошел к выходу, пытаясь разглядеть хоть какие-нибудь признаки цивилизации за окном.

– А где село Балаганное? – спросил он, спустившись с последней ступеньки автобуса.

Водитель недобро покосился на любопытного пассажира, от пронзительного взгляда по спине пробежал неприятный холодок. Помедлив секунд тридцать, водитель пожал



плечами и, понизив голос, сказал так, будто открывал тайну, о которой не принято говорить громко.

– За лесополосой идет заброшенное колхозное поле. Может, за ним деревня была, – он махнул рукой, указывая направление. А затем мельком глянул через плечо и, словно увидев что-то жуткое, быстро добавил: – Ну, мне ехать пора, у меня – график.

Водитель поспешил закрыть двери, и автобус сорвался с места, второпях отъезжая от остановки. Какое-то время Николай смотрел ему вслед, стоя в недоумении.

Встряхнув головой в попытке отогнать ненужное волнение, Суртаев отправился дальше в путь.

На разные голоса в кустах щебетали птицы. Деревья шелестели зеленой листвой под дуновением ветерка. Идя через лес, свежий воздух и спокойная обстановка сделали свое дело – Николай перестал думать о неприятном водителе, и к нему вернулся положительный настрой. Наконец-то Коля стал наслаждаться походом, остановившись только один раз на пятиминутный отдых. Он сел на большой камень, достал из кармана пачку, чиркнул спичкой и подкурил сигарету. Глубоко вдохнул папиросный дым, стряхнул пепел на траву. В очередной раз перечитал письмо, пытаясь разглядеть в нем почерк кого-то из друзей. «Скорее всего, Славка писал! Это он любитель подобных шуточек», – улыбнулся Николай, кивнув в подтверждение своей догадке. Бросив окурок тлеть на землю, он двинулся дальше.

Водитель не обманул. Выйдя из лесополосы, Николай наткнулся на поле. Вот только оно не было заброшенным: взору предстало огромное золотое покрывало пшеницы. Обходить пришлось бы далеко, поэтому Суртаев пошел напрямую.

Вдалеке показался силуэт. Появление живого человека в этой глуши сразу ободрило уставшего путника. На радостях он ускорил шаг и быстро нагнал незнакомца. Им оказался сгорбленный в лохмотьях старик. Шел медленно, вразвалочку.

– Эй, старик! – радостно окликнул Суртаев. Но тот даже не обернулся, а

продолжал также медленно идти вперед. – Да постой же, старик! Подскажи, как до Балаганного пройти?

Человек остановился, на пару секунд вытянулся, как по струнке, затем его фигура снова сгорбилась, и он повернулся к Николаю. Лицо вдоль и поперек исчерчено глубокими морщинами, седая спутанная борода ложилась на грудь, а в ней мелькало что-то липкое и совсем уж противное. Старик шмыгнул носом, но мерзкие зеленые сопли так и не исчезли ни с носа, ни с губ. Коля почувствовал резкий прилив отвращения к этому сгорбленному тяжелым многолетним трудом созданию. А старик сощурил маленькие хитренькие глазки:

– Помоги старику, утри мне нос.

Стараясь подавить рвотные позывы, Суртаев вежливо отказался выполнить просьбу. Старик осудительно покачал головой и тяжело вздохнул:

– Так вот значит. Расскажу я про тебя, Николай Владимирович.

Николай искренне удивился и поспешил спросить:

– Ты откуда меня знаешь?!

Громкое карканье стаи ворон заставило Колю резко обернуться на звук. Черные птицы, словно испугавшись чего-то, взметнулись в небо. Мужчина несколько секунд провожал их озадаченным взглядом. И хотел продолжить беседу со стариком, но того и след простыл.

– Старик, ты где? – крикнул в пустоту Николай.

В ответ тишина, а впереди колыхалась на ветру золотая пшеница.

Тучи, грозно повисшие над полем, отступили, и яркое солнце стало согревать землю. Николай вышел к деревенским домикам и обрадовался, что таки смог найти село. Покосившаяся табличка с едва читаемым названием «Балаганное» убедила его в этом окончательно. Но радость быстро сменилась легким недоумением, когда он обнаружил, что людей нет. Никого. Ни одной живой души, даже собаки во дворе не лаяли. Побродил Суртаев недолго, и вскоре нашел дом, указанный в адресе. Такой же, без людей, как и предыдущие. Постучал в дверь, она со скрипом распахнулась. Пусто. Дом ухоженный, ни пылинки по углам. Походил Коля по дому, поразмышлял. Снова достал письмо.

«Ну, точно Славка!» – решил он и прилег на кровать. Стал думать над всей ситуацией. И не такое Славик устраивал! Он был мастером всяких шуточек. Правда, не всегда эти шуточки шли, как задумывалось. Однажды он умудрился троих за раз подколоть так, что целую неделю Николаю с друзьями пришлось по лесу бродить и питаться одними ягодами. А все потому, что с маршрута «карты сокровищ» сбились. Вот и на этот раз Николай подумал, что напутал с датами и пришел раньше остальных. Сделав такой нехитрый вывод, Коля незаметно погрузился в сон.

Проснулся он только к вечеру. В доме по-прежнему никого не было, скучно стало. Тут вспомнил Николай, что когда к дому подходил, баньку приметил. Старенькую такую, чуть покосившуюся. Почему бы не воспользоваться? Еды все равно нет, делать нечего, а так – хоть попарится на славу в деревенской-то баньке! Не зря ведь с города вырвался!



Вышел Суртаев на улицу. На дворе уже темень стояла, и дул холодный ветер. Непривычно как-то без людей в такой глуши... Но Николай старался не думать об этом, и поскорее направился в баню. Растопить ее труда не составило. Вскоре парной дым так и клубился над крышей. Тепло, хорошо, можно и расслабиться. Завалился Коля на лежак и глаза закрыл. И тут как хлестнуло кипятком по спине, что мужчина закричал от страха и боли. В одном полотенце сиганул из бани. Не успел он осмыслить все происходящее, как вслед еще и камень больно ударился в лопатку. Повезло, что рядом река. Не оборачиваясь, Суртаев с криком бросился в ледяную воду. Но спасения ему не удалось найти. Огромная лапища легла на плечо перепуганному Коле. Одним прыжком он развернулся.

– Еп...! – отскочил Николай, увидев перед собой торчащего из воды мужчину. Вроде бы знакомого. – Славка?.. – Он неуверенно начал присматриваться к полному бородатому человеку.

Но мужчина вдруг стал громко хлопать в ладоши и раскатисто смеяться. Суртаев вмиг поседел, разглядев на голове незнакомца длинные водоросли, переплетавшиеся с бородой. Николай пулей вылетел из речки и хотел броситься куда глаза глядят, но замер и остолбенел, когда увидел, что к нему навстречу идет девушка. Бледная, как смерть, из одежды только белая рубаха, и вода стекала с молодого тела. Николай вошел в ступор, не в силах оторвать от нее взгляда.

– Бедненький, совсем тебя измучили, – говорила она, и руки к Николаю протянула. – Пойдем со мной.

Тут мужчина очухался и шарханулся от нее, шлепнувшись на землю, в чем мать родила.

– К черту иди! – перекрестился до смерти перепуганный Коля.

Девушка немного растерянно и обиженно на него посмотрела. А тут из-за забора ка-ак выглянет маленький человечек:

– Эгей, не надо нам здесь этого, – и кулаком замашет.

Не тут-то было, выскочит из-за куста черный, как кочегар, с рожками

сам Черт.

– Поздно, Дворовой! – расхохотался он. – Сами позвали! – и давай скакать по двору да забор ногой пинать. Дворовой кричал на него что-то ругательно и все пытался за рог или хвост ухватить.

– Хватит вам! Сегодня я – именинник, – раздался строгий голос из дома. – Водяной, тащи его сюда.

Суртаев так и сидел на траве, оторопело наблюдая за всем происходящим, и не верил собственным глазам. Даже сопротивляться не стал, когда человек, названный Водяным, ловко подхватил его под руки и потащил в дом. А вокруг пританцовывала бледная девушка с Чертом, напевая какую-то простенькую мелодию.

Дверь со скрипом распахнулась, и бедного Суртаева поволокли к столу. Ноги с трудом передвигались. На столе горели керосиновые лампы, хорошо освещая помещение. Но Николай предпочел бы не видеть этого всего...

– Вот, именинник наш, Домовой! Гостюшку привели! – деловито и важно сообщил Водяной маленькому человечку, сидевшему во главе стола. На голове у него был спутанный ежик волос, нос – картошкой, а ножки болтались в воздухе, не доставая до пола.

В доме собралось не меньше десяти до ужаса странных существ. Некоторые из них с любопытством, нагло пялились на Николая, кто-то вообще не обратил внимания на пришедшего гостя, продолжая вести оживленную беседу. Взгляд Суртаева метался от одного создания к другому. Он как-то непроизвольно перекрестился и сделал шаг назад.

– Поздно креститься, Николай Владимирович. Поздно, – хриплым важным голосом проговорил Домовой и указал на стул. – Да ты садись, садись. Тебя здесь все уже знают.

Водяной положил огромную лапищу на плечо Николая, заставляя того сесть на стул. А сам расположился рядом, на всякий случай, чтоб сбежать не удумал.

Справа от Николая села бледная мокрая девушка, с которой вода капала на деревянный пол, и все строила ему глазки, придвигаясь ближе и ближе...

– Русалка! Ты чего это удумала? – Домовой стукнул кулаком по столу, отчего девушка вздрогнула и отвела голодный и обиженный взгляд в сторону, тут же отсев подальше.

Гости понемногу успокоились и затихли. Домовой сел поудобнее и придвинулся к столу:

– Ну, что ж, приступим. Расскажите, други мои, как вам гость наш? Начнем с тебя, Леший.

Все присутствовавшие усталились на карлика, лицо которого поросло мхом. Громко заскрипели кости, словно гнулось старое дерево, когда Леший поднялся со стула. Одежда у него – запахнута наоборот, на правую сторону. Волосы длинные серо-зеленого цвета. И ни бровей, ни ресниц нету.

– Не уважал лес, Николай Владимирович. Бросил горящий окурок на землю! А если бы пожар начался?! – Леший погрозил пальцем в сторону Николая. – От этой вони я чуть не задохнулся, пока тушил! – Все присутствовавшие осуждающе закачали головами. – Не нравится мне наш гость, Домовой.

Именинник вздохнул и посмотрел на следующего:

– Полевик, а ты что скажешь?



Из-за стола поднялся сторбленный старик, тот самый, которого Николай Владимирович встретил в поле.

– Щедро одариваются лишь те, кто не боится запачкать рук! А этот, – он кинул презрительный взгляд в сторону Суртаева, – Даже нос мне побрезговал утереть.

– И я скажу! – вмешался вспльчивый, красный, как рак человек, замотанный в полотенце. – Совсем он традиции не уважает! Баню посреди ночи топить вздумал! Ух, я б его камнями закидал! – и как замахнется припрятанным в руке камнем.

– Тише, Банник. Тише, – Домовой быстро усмирил сердитого Банника. – Ну-с, Николай Владимирович. Никто за тебя не вступился. Не уважаешь ты традиций древних.

– И что же теперь будет?.. – робко спросил Суртаев.

– Да ничего. Праздновать будем! Я ведь добрый, и у меня день рождения сегодня. Кстати, ты ведь знал, что на праздник идешь. Где мой подарок?

Николай виновато потупил взгляд.

– И без подарка... – заключил Домовой. – Ладно уж, пора главное блюдо подавать!

– Блюдо?.. – с нехорошим предчувствием спросил Николай.

– В котел его! – скомандовал Домовой. И потащили бедного Суртаева...

Гуляла нечисть всю ночь, веселилась, да мяско свеженькое кушала.

– А у кого следующий день рождения идет? – спросил Домовой.

– У меня... – скромно произнесла Русалка, игриво улыбаясь и ковыряя вилкой в тарелке.

Решили они такие праздники в селе Балаганное на каждый день рождения устраивать и подходящих людей искать, которые традиции русские не помнят и не чтят.





Джонни Дэ

Елена Бабич

Удар клинка рассек мертвую плоть, прекратил мерзкое шипение твари, позабывшей уже человеческую речь. А в грязи и крови, среди обрубок оживших мертвецов и разломанных костей скелетов, ползал неловкий человек в изодранном сюртуке в попытке подняться на ноги.

Владелец спасительного клинка сжалился над беднягой. И после того, как протер саблю, грубо схватил бедолагу за ворот сюртука, что тот даже затрещал по швам, но на ноги поставил.

– Благодарю, сударь. Я у вас в долгу, – пробормотал спасенный. Он попытался хоть немного привести в порядок свой костюм, но кровь уже впиталась в ткань, и носовой платок, которым орудовал бедняга, тут же окрасился в красно-бурый цвет.

– Небезопасно бродить по улицам в такой день, – заметил мужчина, повесив саблю на пояс.

– Знаю-знаю, но я не успел вовремя попасть в гостиницу, а теперь они не откроют двери до рассвета. Но кто-то из постояльцев сжалился надо мной, когда я колотил в двери того клоповника, и выкрикнул, что в трактире Тобиаса можно переждать этот ужаснейший день! Молю богов, чтобы это оказалось правдой!

– Это правда, – бесчувственным голосом ответил мужчина. Он бы преспокойно провел этот день на улицах города, нисколько не страшась вылезшей из своих схронов нечисти. – Я направляюсь туда.

– Будьте так добры, возьмите меня с собой! Вы сильный человек, вы сможете добраться.

Бедняга лепетал что-то еще, но господин с саблей уже не слушал его. Лишь таинственно улыбался и, чуть припадая на левую ногу, уверенно зашагал в направлении заведения. Спасенный им человек семенил рядом.

Несколько раз им на пути попадались ходячие мертвецы, слепые, безмозглые и безвольные. Вреда от них никакого, бредут себе по улицам обезлюдевшего города, шатаются из стороны в сторону, как перебравший выпивоха, и указывают в сторону беспечных живых. А рядом с ходоками обычно крутились менее дружелюбные существа. Всякая нежить: зомби, скелеты, упыри и вурдалаки. Иногда и низшие демоны не брезговали пройтись по их следам. Полакомиться свежим мясом.

И мужчина с саблей нешадно расправлялся со всей нечистью, появившейся на пути. Неужели он легендарный Охотник? Но ведь их уже не осталось? Или осталось?

Орава бесов водила пьяный хоровод вокруг покосившегося столба. Указатель смотрел куда-то в брусчатку, а когда его задевал слишком развеселившийся бес, то и в правильном направлении. В переулок, где во внутреннем дворе городского дома мерцали огнями окна трактира. Из-за крепких сосновых дверей доносились звуки скрипки, клавесина и барабана, цокот каблучков танцовщиц и удары столкнувшихся пузатыми боками кружек. Трактир Тобиаса. Вот и вывеска: «С другой стороны».

Человек с саблей пропустил вперед своего неуклюжего спутника, когда они входили во двор. В темноте блеснули красные глаза блюдца. И от стен трактира отделилась тень с зубастой пастью. Все ее тело было пасть и выпученные глазища.

Тварь с невиданным проворством подпрыгнуло к мужчине в сюртуке. Клацнули зубы – и жертва не успела и закричать. Даже осознать опасность не успела. От мужчины ничего не осталось, кроме оторванных грязных ботинок. Морна не любила человеческую обувь, тем более грязную.

Человек с саблей подмигнул зубастому существу и смело прошагал мимо него. Морна проводила его плотоядным взглядом, но трогать не стала. Ей привели еду. Этого хватит на какое-то время. Может, двоих-троих она еще пропустит, а потом опять проголодается.

Тяжелая дверь неохотно поддалась, пропуская еще одного посетителя внутрь. Высокий порог светился начертанными на нем защитными рунами. Над дверью разумный хозяин развесил гирлян-



ды из трав, веток омелы и чеснока. Каждое окно было опечатано мощными заговорами, куда надежней, чем даже самые крепкие ставни. В такое место нечисти будет пробраться сложно. Но она и не стремилась попасть сюда. Кому охота связываться с Джонни Дэ? Да еще в такой день, когда во все человеческие владения открыт путь! Можно и обойти стороной маленький трактирчик.

Мужчина окинул взглядом просторное помещение, утопающее в дыме от свечей и табака, каминные трубы явно не справлялись, и подошел к трактирной стойке. Облокотился о посеревшую от времени и усердной чистки столешницу. Посмотрел на встревоженного трактирщика, поглядывающего на потрепанный листок газеты.

– Грога и газету, – произнес гость, не сводя взгляда с печатных строк.

– Газет у нас нет, – как можно дружелюбней отказал владелец заведения, пряча лист подальше за кружки.

Посетитель зло усмехнулся и подмигнул одной из танцовщиц. Девушка тут же оступилась и упала с помоста на столик изумленных торговцев. Стол перевернулся, придавив менее удачливого гостя, а на его соседа вылились все пиво из опрокинутого кувшина.

Музыканты продолжали играть еще несколько мгновений как ни в чем ни бывало, пока мужчина с саблей не глянул в их сторону. Клавесин издал квакающий звук, и звякнула порванная струна на скрипке. А за одним из столиков посетитель подавился выпивкой, за другим кто-то возмутился вкусом несъедобного блюда.

– Грога и газету, Тобиас, – настойчиво повторил мужчина, бросил на стойку серебряную монету.

– Пожалуйста, господин Эвил, – Тобиас выложил перед посетителем желтый листок с черными рядами буковок, а сам бросился к плитке подогреть ром.

Заголовок газеты гласил, что в город в День рождения нечисти прибудет господин Эвил, с которым также лучше не встречаться, как и с любым порождением Джонни Дэ. Вездесущие репортеры не забыли оповестить горожан, и даже рисунок получился неплох. И с одеждой угадали: длиннополый старомодный камзол с высоким воротником, рубашка с кружевами, штаны из мягкой кожи и высокие сапоги. Черты лица слишком заострили, лоб сузили, дорисовали несуществующие залысины и

бороду. Нет, он когда-то носил бороду, но это было так давно. С тех пор как в волосы закралась проседь, он предпочитал скоблить щеки и подбородок чуть ли не до блеска, а чтобы сохранить цвет волос, не боялся прибегнуть и к хитростям светских дам.

Эвил и не думал скрываться. Он вошел в город свободно. В открытые ворота. Даже храбрая стража не покидала караульной в этот день. И пусть на завтра полетят чьи-то нашивки, но не голы!

А еще он не скрывал, что в городе ему была назначена встреча. Именно в этом трактире. В каждом мало-мальском городе были такие трактиры и укромные места, где можно было переждать гулянья мертвых и мерзких созданий. Джонни Дэ оставлял их открытыми для себя. Чтобы было куда зайти и выпить за здоровье своих детей.

– Ваш грог, господин Эвил. Что еще желаете? – учтиво поинтересовался трактирщик, поставив перед посетителем кружку с дымящимся напитком.

– Молока. С медом. И корицей, – сообщил Эвил, заметив краем глаза присевшую на лавку возле камина девочку лет восьми. Что ребенок забыл в таком месте, никто не спрашивал.

Все посетители торопливо отводили взгляд, переходили от громких возгласов на тихое перешептывание. И давились заказанными напитками и снедью, трясаясь от страха и ужаса. Но никто и не подумал покинуть трактир в надежде, что Джонни Дэ сдержит слово и от рук его детей здесь никто не пострадает.

А ведь пора было и засомневаться, ведь сюда наведальса сама смерть. Одна из ее ипостасей. Белокурое босоное создание с невинным лицом и кроваво-красными глазами в убогом наряде из мешковины с красивой фарфоровой куклой в руках. Ее можно было увидеть на улицах городов, дорогах среди полей и лесов, в море и в горах, в толпе и в пустых закоулках. Она чаще других ипостасей ходила по земле. Не скрываясь. Не таясь. И пока она не взглянула из-под пушистых детских ресниц кроваво-красными глазами, можно не опасаться за свою жизнь.

Эвил подхватил кружки и направился к девочке. Ненужная больше газета осталась лежать на стойке.

– Я ждал Диану, – сказал он, присаживаясь рядом с девочкой и протягиваясь ей кружку с молоком. Она положила на колени фарфоровую куклу и взяла предложенный напиток.

Игрушка смотрела на Эвила истлевшими глазами. Почти живыми глазами. А девочка старательно отводила взгляд. Сегодня единственный день, когда она не должна поднимать глаза.

– Сестра не может прийти, – ответила девочка, попробовав молоко.

– А у меня для нее вести, – с наигранным сожалением вздохнул Эвил.

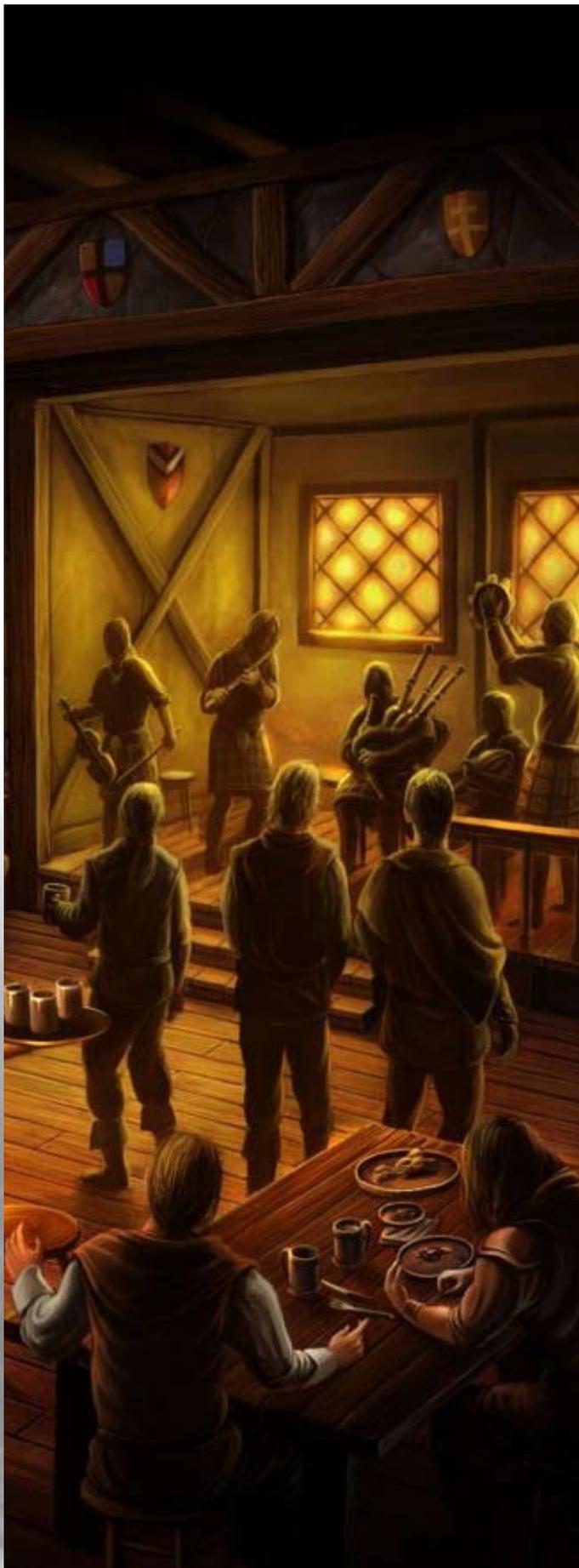
– Говори, я передам.

– Валенисия объявит войну Шинару со дня на день. Войска стягиваются к границе, скоро начнут форсировать Белую реку. У фортов на реке Диане будет чем поживиться.

– Хорошая работа. Тебе понадобился один выстрел? – уточнила она.

– И подготовленное стечение обстоятельств. Улики, слухи, взаимные обиды. А если отправить Шинар чернокнижника, то войско твоего отца увеличится в несколько раз.

– Ты хорошо поработал, Эвил, – холодно похвалила собеседница.



– Но не достаточно, чтобы Джонни Дэ оценил, – в голосе мужчины послышались печальные нотки. Его разочарованию не было предела.

– Ты ему еще настолько не интересен, – пожалала худенькими плечиками девочка и повернулась, чтобы поставить на свободную часть лаки пустую кружку.

– Правда? – внезапно в руках Эвила оказалась фарфоровая игрушка, с которой девочка-смерть никогда не расставалась.

Он сдвинул кукольное горло, и личико девочки-смерти исказила гримаса боли, тельце затрясло в сильном приступе кашля. Она пыталась вдохнуть дымный трактирный воздух и не могла. Она никогда и не нуждалась в воздухе. Никогда кроме одного дня в году. Дня своего рождения.

– А теперь я заинтересовал Джонни Дэ? – ехидно поинтересовался Эвил.

– Его нет, а меня – да, – за спиной мужчины раздался властный звенящий голос, а в спину впился холодный серебряный наконечник стрелы. – Отдай сестре ее игрушку.

– Хороша игрушка – жизнь! – заметил мужчина, но отдавать куклу не спешил.

– Отдай, это ее жизнь! – повторила женщина, гневно сверкнув темно-карими глазами. Сейчас ее рука не оттягивала тетиву, а сжимала саму стрелу. Она не промахнется.

– Забавно, оказывается, и у смерти есть жизнь. И смерть. Так ведь, Диана? – ухмыльнулся Эвил, засунув свободную руку в карман камзола.

Гроыхнул выстрел. Женщина упала на пол, выронив стрелу с серебряным трехгранным наконечником. А Эвил с жалостью посмотрел на испорченную одежду. На дырку в форме трехгранного наконечника, образовавшуюся из-за выстрела. Будет еще новый камзол. А лучше сюртук. Надоело ходить в старье. Зато удобно было прятать пистолет.

Хрустнула шею фарфоровой куклы – издав сдавленный хрип, с лавки повалилась на пол и девочка-смерть. Бросив на бездвижимое тело игрушку, Эвил встал и, перешагнув через лавку, подошел к Диане.

На него смотрели мертвые глаза. Красивые мертвые глаза. Эти глаза различали цель за тысячи миль, эти тонкие на вид хрупкие руки натягивали тугую тетиву и отправляли в полет стрелы, незнающие промаха. В эти изящные черты лица он влюбился когда-то давно.

Когда он дезертировал с поля боя в битве под Бьешером. Когда она, Диана, смерть воинов, нашла его и остановила руку с ножом, готовую исполосовать всю ногу, но вытащить проклятый наконечник, которым наградила его она. Спустя много лет Эвил отыскал талантливого доктора, который сумел обмануть Смерть и вытащил проклятое серебро. Это было ровно год назад. В день, когда даже смерть не спешит выполнять свою работу. В день, когда смерть рождается... и умирает.

От одного движения.

От одного выстрела.

Эвил поцеловал мертвые губы и вдавил наконечник от смертельного оружия еще глубже в бескровное тело.

Ему понадобился лишь один выстрел.

– Теперь я заинтересовал тебя Джонни Дэ? – спросил Эвил у тени, выскользнувшей из каминной трубы. Эта тень давно была здесь. Таилась среди сажи и копоти, дыма и огня. Наблю-



дала, прислушивалась. Ожидала.

– Ты силен и проворен, Эвил, но не стоило убивать столько моих детей, чтобы я удостоил тебя своим появлением, – заметил высокий, статный мужчина с тонким шрамом через все лицо и бородкой клинышком, которым обернулась тень. Шляпа с павлиньим пером была надвинута почти на глаза. Но Эвил все равно различал, как горят красным два уголька-глаза. Как сверкает огонь в черных провалах вместо глаз.

– У тебя немало детей, вон сколько их вывалило на улицы! – парировал убийца смерти.

– Но любимых только трое, – вздохнул Джонни Дэ, поглядывая на тело девочки и молодой женщины.

– Будет на двоих меньше. Они оказались слабыми и недостойными называться твоими детьми.

– Согласен. Чего ты хочешь, Эвил? – оживился Джонни Дэ. Сожаленье мелькнуло тенью на его лице и тут же улетучилось. Мужчине в шляпе с павлиньим пером стало интересно.

– Имя, – с гордостью произнес Эвил.

– Оно и так есть у тебя, – Джонни Дэ махнул рукой, подходя ближе к Эвилу. Рядом с ним он казался еще выше, еще могучее, еще зловещей.

– Твое имя, – добавил бывший солдат.

– Зачем? В моем имени ничего нет, – удивился отец нечисти. Удивился искренне, как простой смертный. – Я всего лишь Джонни Дэ. Согласись, будет глупо творить зло во имя какого-то Джонни, пусть и Дэ.

– Я творю зло в свое удовольствие, – возразил мужчина, глядя на человека в щегольском костюме и старомодной шляпе с пером, заглядывая под полы шляпы, прямо в бездонные провалы глаз.

– Ты странный человек, Эвил, – Джонни Дэ обошел мужчину, переступил через тело одной из дочерей, даже не глянув на нее больше. – Но ты мне нравишься. Хочешь, бери мое имя. Мне не жалко. Будешь Д’Эвилом. Хорошо звучит?

– Хорошо, Джонни, – Эвил склонил голову перед ним и отступил к выходу из трактира. – Я пойду?

– Иди-иди, благодарю за столь щедрый подарок. Действительно достаточно одного выстрела и удачно подстроенного стечения обстоятельств.

– Ты про новую войну, Джонни?

– И про нее тоже. Иди, тебя заждался весь мир, мой милый Д’Эвил.

Джонни на прощание чуть приподнял шляпу, окатив мужчину волной жара и страха, исходившей из угольков глаз. Д’Эвил еще раз учтиво раскланялся и исчез за порогом, исчерченным защитными рунами. Они призваны отгонять нечисть, а людей пропускать. Но кто знал, что в небогатый трактир пожалует сам Д’Эвил! А за ним и Джонни Дэ. Через каминную трубу.

– Странные вы существа, люди, – довольно хмыкнул Джонни Дэ, окинув взглядом трясущихся страха и ужаса посетителей. И снова надвинул на глаза шляпу. – Сколько я не бродил по мирам, каких темных существ я не встречал, но только вы, люди, можете творить зло ради удовольствия, причинять столько страданий себе подобным, наслаждаясь чужой болью и несчастьями, ненавидеть всех, кто вас окружает. Вы самые прекрасные существа, во всем круге миров!

Джонни Дэ захохотал. Истеричным и кошмарным смехом.

Посетители злополучного трактира еще больше побледнели и вжались в спинки стульев, припали к столам, кто мог, попытался укрыться в тени. Никто и в страшном сне не мог предположить, что в это безопасное место заглянет сам Джонни Дэ. Каждый считал, что его протекторат – это мистификация или очень злая шутка. Но нет, к Тобиасу накануне праздника нечисти пожаловали подручные Джонни Дэ. И он не смог им отказать. Джонни Дэ никто не отказывает.

Джонни Дэ смеялся до тех пор, пока не наткнулся взглядом на тела своих дочерей. Теперь у него осталась только одна любимая дочь – ключница. Пожилая женщина с морщинистым лицом и замысловатой прической, в простом траурном платье и с многочисленными ключами на поясе. Она входила в человеческие дома, отпирая даже самые умелые замки, даже самые тяжелые двери, даже самые надежные решетки. От нее не скрыться ни за толстыми стенами, ни за высоко оградой, ни за длинными копьями и острыми мечами охраны. Она и сейчас ходила по человеческим жилищам, иногда сама, иногда впуская своих младшим родственников, буйствующих на улицах городов и селений. Она присматривала и собирала жизни и смерти. Для него. Для Джонни Дэ.

Весь этот год ей придется трудиться одной. Диана не соберет для него жатву на поле брани. Но под покровом ночи за каменные стены придет ключница за причитающимися душами. Раненные умрут в тяжких муках, не будет больше легкой смерти от удара меча или выстрела. Целый год не будет. Прелесть-то какая!

– Эй, народ, сегодня праздник! Что же вы не веселитесь?! Тобиас, я ж дал разрешение отпраздновать в твоём трактире день рождения моих детишек! Так где же гулянья?! Или кладовые твои пусты?! Я могу и своими запасами поделиться!

Тобиас испуганно сглотнул и замотал головой, мол, не надо. Тут же несколько его помощников и разносчиц рванули в подвал, выкатывая бочки с вином и пивом, вынося из кухни новые блюда.

– Вот так-то лучше! Веселимся! Празднуем День рождения нечисти! Такой праздник лишь раз в год! И вам удалось погулять на нем вместе с самим Джонни Дэ!

Под стук кружек, несмелые сдавленные крики, под робкие танцы и визгливую музыку, Джонни Дэ облокотился о стойку и обратился к трактирщику:

– И мне вина, Тобиас. У меня же как-никак сын родился сегодня!



Козлоногий бог

Адриэл Ханна



Козлоногий бог Пан любил издеваться над соседями. Впрочем, соседи – это сказано слишком неправильно. В окружении его – а все окружение он подбирал исключительно самостоятельно и, так сказать, приковывал цепями новых соседешек – были и люди, и собаки, и волки, и... Да много ли всякой нечисти шляется! Вот, бывало, понравится ему мордаха коровья, он – цап – и на цепь. И приговаривает: «Маайяяя карофка, маайяяя...» – косноязыким он уродился вдобавок.

Однажды козлоногий, думая, что это смешно на самом деле (а нужно отметить, что с юмором у боженьки было плоховато), решил русского пса превратить в совершенно человеческого поляка – со всеми вытекающими, разумеется. Смелся Пан, ясное дело, долго, когда новопревращенный поляк пытался объяснить с родичами, а те не понимали ни языка его, ни жестов. Да и на нюх не признавали – человечинной уж сильно воняло. Но так как поляк-бывший-пес слишком сильно скулил, пришлось Пану забрать ее в свои царские покои – жить-поживать и горя не знать.

Да много ли случаев таких с ним бывало!

Что касается издевательств, он, Пан, все сначала тщательно продумывал, а потом решал – подойдет ли издевка к случаю и сколько принесет выгод, то есть, смеха – его, божьего, разумеется. Но как-то случилось, что то ли не продумал, то ли продумал, да не все, но в свой собственный день рождения, когда свечи на торте задувал и желание загадывал, да одна свеча в нос попала, он каааак стукнул кулаком, да как рывкнул: «КУРИЦА ТЫ!» А кухарка – оп – и превратилась в ту самую курицу. Впоследствии Пан еще и соседям рассказывал, что курица, мол, вышла именно такая по виду и цвету, как он себе ее представил.

Все бы ничего. Ну превратил кухарку в курицу – и ладно. Да не тут-то было. Пан, помимо того, что любил



издеваться, еще и потрапезничать любил. Он, если не пообедает вовремя, – худеет, тускнеет и мрачнеет. И в животе урчит неприятно, и во рту сохнет... А тут, как на зло, никто не попадался с кухарскими способностями. Можно, конечно, было подумать, что люди не видели надобности идти к нему работать, но боженька столько алмазов предлагал, что ни в одном людском кармане столько с роду не водилось. Он и охотился, он и завлекал, он и добреньким быть пробовал – все не то.

В общем, измучился Пан, уже и кустики подъедать стал – в козленка превращаться. И в один день, когда ел очередной кустик и при этом почти что матерился ядрено от горечи (видать на полынь наткнулся), подходит к нему старец: борода между ног путается, лаптями по ней топчется, посох в два раза выше, и ковыляет то на одну ногу, то на другую – определиться не может. Подходит, значит, старец и говорит:

– Знаю, что делать должен ты, мерзкий козел, живущий в курятне.

А «мерзкий козел» аж поперхнулся – голос у старца оказался вовсе не старческий: с нежным придыханием и писклявый, почти на ультразвук переходящий. Но Пан, решив, что все равно наелся, и делать до ужина нечего (а при отсутствии добротного ужина – и до завтрака), решил все же послушать старца:

– Ну ковори, пискля, чавой хател?

Старец, видимо, тоже удивился божьей манере говорения. Но быстренько взял себя в руки и пропищал:

– Ты, козлоногий, когда день рождения следующий будешь справлять, выражайся поосторожнее. Знаешь ли, загадывание желания – это древняя магия. Всю правду можно нарушу вытянуть. Тут нельзя глупостей делать.

Послушал старца Пан и поскакал во-свояси в раздумьях. И, как по волшебству старческому, у хоромов его ожидала баба. Дородная, огромная, как кабаниха – баба. Руки в боки уперла, брови сдвинула, нос наморщила... А как только Пан подскакал к ней, первая беседу завела (если это можно назвать беседой):

– Ты козлоногий бог Пан?

– Йия, – следовал подозрительный ответ.

– И чо? – парировала баба.

– Чию ки чо? – снова отвечивал Пан, боясь выказать непонимание бабской

речи.

Гостя, видимо, не желая дальше состязаться в искусстве ораторства, выпалила:

– Я – кухарка. Надо?

– Ээээ, – только и смог ответить бог. И молча указал копытом на входную дверь...

Одним словом – снова зажил Пан. Баба готовила, конечно, не по-царски, но уж и не полынь. Бывало, конечно, что и полыни хотелось («видать наколдовал длиннобородый» – думал боженька), но, в общем, можно было довольствоваться.

Да тут возьми и случись очередное несчастье. В день рождения Пан, заходя по обыкновению своему на просторную кухню (где и кухарка-то была одна всего теперь) и чувствуя не очень приятный запах, заорал во всю мощь:

– Ну и курица же ты, АААсь! Ну вапще гатовить ни умеешь!

А кухарка – бац – и превратилась в курицу...

Пан аж заплакал. Ну честное слово – заплакал! Как маленький ребенок. В угол забился и давай курячьим фартуком слезы вытирать. Курица-то чего – пошлепала себе на двор, а Пан снова остался голодать. Да еще и в день рождения! «Хоть бы достряпала уже» – даже подумал грешным делом бог, косясь на плохо пахнущее блюдо.





Он-то и попытался бы сам доделать «легкое» бабское дело, но как ни крутился вокруг кастрюль да сковород – копытами не ухватишь. Так и остался Пан голодным в день рождения.

Погоревал, да снова на кустики подсел. «Лучше уж вовсе в козла превратиться, чем постоянно искать кухаря» – подумал. В общем, горевал он с-полгодика, пока не объявился в его покоях божьих тот самый русский пес-поляк. Пришел и так, заигрывая, пролепетал:

– Панове, может, дадут мне покухарить? – никак не получалось у поляка русский выучить.

Козлоногий сначала не отреагировал – видать, трава вовсе мозг выела. Потом дошло до мозга то, о чем говорит поляк. А как дошло, Пан, сначала собираясь подпрыгнуть от радости до потолка, попридержался – чтоб не сглазить. Криво кивнул, а себе в сердцах пообещал за языком следить и курами не обзывать...

Наконец настал долгожданный день. Пан вырядился, надел свою лучшую рубашку, да галстук повязал бабочкой. И ходит важный весь такой... Зашел на кухню. А ему сразу из-за плиты:

– Панове, как поживаетьца?

Пан только кивнул – молча.

– Вы, Панове, дюже красивый сегодня, – молвил кухарь, мастерски вращая тарелки на огромных ладонях (видимо, учился долго кухарству, пока в божьих покоях жил).

Козлоногий принялся, довольно повел носом: ни запах, ни внешний вид стряпни не предвещали беду. Вовсе расхрабрившись, Пан даже голос подал:

– А светчи в тарте будут?

– Ни, Панове, не будут. Зачем Панове свечи? Пускай Панове без такого украшения – модно так.

Боженька довольно заплямкал, предвкушая.

Потом еще много-много раз заходил на кухню, справиться о ходе приготовлений. А кухарь только и знал, что отвечать: «Все ладно, Панове» или «Не изволите переживать, Панове», или «Будьте столь любезны, Панове, посмакуйте». Одним словом, все шло хорошо.

На радостях Пан даже гостей пригласил – чтоб отметить пир, раз он так хорошо держит себя в руках и про курей ни сло-

ва... И пригласил. Уселись все за широкий дубовый стол, ждут. Кухарь раз принесет блюдо:

– Вот, нате, Панове...

Второй:

– Откушайте, Панове...

Третий:

– На здоровье, Панове...

Четвертый:

– Кушайте, Па...

Да тут Пан и взорвался:

– Да не Панове я, черты б тебе, козлина кухарская! ПАН Я!

И только сказал да рот успел прикрыть, как кухарь – хлоп – и обернулся курицей...



Авторский стиль



Авторский стиль
чаепитие с литературным гогом

Андрей Назаров:
"Новый берег"
это вольная трибуна

Мнение:
Почему мою рукопись
не приняли?

Николай Романецкий и
"Полдень XXI век"

тема номера:

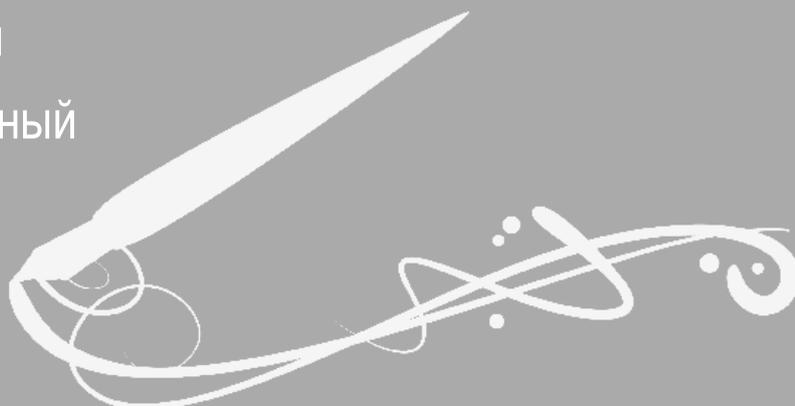
У подножия горы
о публикации в периодике

+2
СПЕЦПРЕДЛОЖЕНИЯ
ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Обложка: печатная машинка братьев Стругацких

Май 2012

литературный
образовательный
журнал для
стильных
писателей





.....